

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ

Mort

Терри Пратчетт (Эксмо)

Терри Пратчетт
Мор, ученик Смерти

«Эксмо»

1987

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Мор, ученик Смерти / Т. Пратчетт — «Эксмо», 1987 — (Терри Пратчетт (Эксмо))

ISBN 978-5-04-194697-5

Знакомьтесь: Смерть. Живой скелет в плаще и с косой (всё как положено). Мрачный Жнец, оканчивающий земной путь всех людей. Встречи со Смертью не избежать никому. Но когда с ним встречается деревенский парнишка Мор, Смерть предлагает ему работу. Мор становится подмастерьем Мрачного Жнеца, и вскоре его учитель решает, что имеет право на выходной — первый за всё время своего существования. Но в тот же день Мор спасает юную принцессу Кели вместо того, чтобы забрать её жизнь — и тем самым нарушает работу всего мироздания...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-194697-5

© Пратчетт Т., 1987
© Эксмо, 1987

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Терри Пратчетт

Мор, ученик Смерти

Terry Pratchett
Mort

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Terry Pratchett 1987

First published by Victor Gollancz Ltd, London

© Е. С. Петрова, З. А. Смоленская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Вот ярко освещенный свечами зал, где хранятся жизнеизмерители – приземистые песочные часы, – по одному на всякое живое существо; плотными рядами стоя на полках, они гонят мелкий песок из будущего в прошлое. Из-за шипения сыплющихся песчинок зал ревет, как море.

Вот хозяин зала, который прохаживается по ней с задумчивым видом. Его имя – Смерть.

Но не просто какой-то там Смерть. А Смерть, чья сфера деятельности – никакая не сфера, а диск: Плоский мир, что лежит на спинах четырех гигантских слонов, уместившихся на панцире Великого А’Туина – огромной звездной черепахи, и чьи границы обозначены водопадом, бесконечные воды которого изливаются в космос.

Ученые подсчитали, что шанс существования чего-то столь очевидно абсурдного – один на миллион.

Однако волшебники подсчитали, что шанс «один на миллион» выпадает в девяти случаях из десяти.

Бормоча что-то под капюшоном, Смерть кладет костяными подошвами по выложенному черной и белой плиткой полу, скользя лишенными плоти пальцами по рядам неутомимых песочных часов.

Отыскав наконец те, что ему подходят, Смерть осторожно берет их с полки и подносит к ближайшей свече. Исходящий от нее свет, преломляясь, поблескивает на стенках сосуда, и все внимание Смерти сосредотачивается на крохотной точке отраженного сияния.

Под пристальным взором мерцающих глазниц Смерти проплывает в глубинах космоса мировая черепаха, чей панцирь покрыт шрамами от комет и метеоритными кратерами. Смерть знает, что однажды умрет даже Великий А’Туин; вот *это* будет непростая работенка.

Но взгляд Смерти устремляется вперед, к сине-зеленому великолепию самого Диска, что неспешно вращается под кружащим вокруг него крошечным солнцем.

Сейчас оно поворачивает в сторону необъятного хребта, известного под именем Овцепикских гор. Овцепики полны глубокими долинами, и внезапными утесами, и такой обильной

географией, что сами не знают, как ею распорядиться. Погода в здешних местах своеобразна: затяжные шрапнельные дожди, хлесткие ветры и нескончаемые бури. Иные поговаривают, причина в том, что Овцепики – гнездилище древней, необузданной магии. Впрочем, иные лепят все, что в голову взбредет.

Смерть моргает, настраивая глубину резкости зрения. Вот ему становятся видны луга на поворачивающихся склонах гор.

Вот конкретный склон.

Вот поле.

Вот бегущий мальчик.

Вот Смерть приглядывается.

Вот голосом, подобным звуку падающих на гранит свинцовых плит, он произносит:

– ДА.

* * *

Несомненно, в почве этих гористых, изломанных краев, прозванных из-за необычного оттенка, присущего здешней флоре, октариновыми лугами, было что-то волшебное. К примеру, это было одно из немногих мест Плоского мира, где росли обратнолетние подвиды растений.

Обратнолетники растут вспять во времени. Ты сеешь их в этом году, а они вырастают в прошлом.

Родня Мора делала вино из обратнолетнего винограда. Оно обладало очень мощным эффектом и весьма высоко ценилось прорицателями, поскольку, разумеется, помогало видеть будущее. Подвох был в том, что похмелье наступало *предыдущим* утром, так что приходилось изрядно набраться, чтобы его пережить.

Обратнолетники обычно выращивают серьезные крупные мужчины, склонные к интроспекции и тщательной сверке с календарем. Хозяин, который забыл посеять обычные семена, просто остается без урожая, тогда как человек, который забыл посеять то, что уже собрал годом ранее, рискует разрушить всю ткань причинно-следственных связей, не говоря уже о грозящем ему изрядном конфузе.

Изрядным конфузом для семьи Мора служило и то, что серьезности в младшем сыне не было ни капли, а способностей к садоводству он проявлял не больше, чем дохлый краб. Нельзя сказать, что он был ленив, однако трудолюбие его было того неопределенного жизнерадостного оттенка, которого серьезные люди очень быстро приучиваются опасаться. Было в нем что-то заразное и, возможно, даже губительное. Создавалось впечатление, что Мор, долговязый, рыжеволосый и веснушчатый, лишь отчасти контролирует движения своего тела, будто составленного из сплошных коленок.

В тот конкретный день оно с воплями носилось, как очумелое, по полю и размахивало руками.

Сидя на каменной изгороди, за Мором понуро наблюдали отец и дядя.

– Одного не могу понять, – говорил отец Мора, Лезек, – почему от него птицы не разлетаются во все стороны. Я бы мигом усвистал, заметив, что на меня такое бежит.

– Ах. Поразительная все-таки штука – человеческое тело. Ты глянь: ноги разбрасывает по всей округе, а несется быстро.

Мор домчался до конца борозды. С его пути, переваливаясь, убрался переевший лесной голубь.

– Но сердце у него на месте, – осторожно сказал Лезек.

– Ага. В отличие от всего остального.

– Дома грязи не разводит. И не обжора, – продолжал Лезек.

– Оно и видно.

Лезек покосился на брата, неотрывно глядящего в небо.

– Слыхал, тебе на ферму рабочие руки требуются, Хэмеш, – сказал он.

– Так я же взял себе помощника, будто не знаешь?

– Надо же, – помрачнел Лезек. – Когда только успел?

– Так вот давеча. – Ложь брата была стремительна, как бросок гремучей змеи. – Документ подписан и печатью скреплен. Извини. Слушай, ничего личного: Мор – славный парнишка, в наше время такие редко встречаются, но, видишь ли...

– Да знаю я, знаю, – отмахнулся Лезек. – Собственной задницы сыскать не умеет.

Они усталились на далекую фигурку. Она грохнулась оземь. К ней вразвалку заковыляли заинтересованные голуби.

– И ведь не сказать, что дурак, – продолжал Хэмеш. – Кем-кем, а дураком его не назовешь.

– Да, мозги у него есть, – согласился Лезек. – Причем, бывает, так призадумается, что без подзатыльника и не достучаться. Это бабка его читать научила. Наверное, из-за этого у него башка и перегрелась.

Мор поднялся на ноги и снова споткнулся, запутавшись в балахоне.

– Тебе бы его в профессию какую определить, – рассудительно сказал Хэмеш. – В жрецы, например. Или в волшебники. Эта братия шибко до книжек охоча.

Они переглянулись. Обоим сразу представилось, что может устроить Мор, если заполучит в свои добронамеренные руки книжку по волшебству.

– Ладно, – поспешно сказал Хэмеш. – Значит, куда-нибудь еще. Наверняка же есть куча ремесел, где он сможет себя применить.

– Беда в том, что он слишком много думает, – посетовал Лезек. – Вот, полюбуйся. Кто станет прикидывать, как пугнуть птиц? Их просто пугают. Нормальные мальчишки, я имею в виду.

Хэмеш задумчиво почесал подбородок.

– Это может быть и не твоей проблемой, – намекнул он.

Лезек не изменился в лице, лишь глаза чуть сощурились.

– Ты это о чем? – спросил он.

– На следующей неделе в Овцекряжье откроется ярмарка по найму. Отдашь его в подмастерья – и пусть новый хозяин ему мозги вправляет. На то законы писаны. Заключаешь договор по всей форме – и дело с концом.

Лезек наблюдал, как на другом краю поля его сын разглядывает валун.

– Как бы с ним чего не стряслось, – с сомнением проговорил он. – А то мы с матерью его любим. К людям ведь привыкаешь.

– Ему только на пользу пойдет, вот увидишь. Сделают из него мужика.

– А. Ну да. Сырья-то тут хоть отбавляй, – вздохнул Лезек.

* * *

Валун изрядно заинтересовал Мора. На его поверхности сохранились витые ракушки, помнившие первые дни творения, когда Создатель взялся превращать каменные глыбы в живых тварей – кто знает зачем.

Мора вообще многое интересовало. Например, чего ради зубы у людей растут столь ровными рядами. Эта мысль не давала ему покоя. Или вот, кстати: почему солнце светит днем, а не ночью – ночью свет бы не помешал. Общепринятое объяснение по какой-то причине его не устраивало.

Короче говоря, Мор был из тех людей, которые опаснее мешка гремучих змей. Он ставил своей целью докопаться до внутренней логики мироздания.

Однако за отсутствием таковой задача эта не обещала простого решения. Творец воплотил в жизнь немало замечательных идей, но сделать мир понятным в его планы не входило.

В трагедиях герои вечно стонут от пристального внимания богов, но в жизни тяжелее всего приходится как раз тем, кого боги не замечают вовсе.

Отец, как обычно, орал на него. Мор кинул камнем в голубя, который так переел, что еле-еле сподобился отползти в сторону, и побрел обратно через поле.

* * *

Так и получилось, что в канун Страшдества отец Мора, погрузив на осла скудные пожитки сына, повел своего отпрыска горной тропой в Овцекряжье. Всего города было – четыре стороны мощенной булыжником площади, усеянные лавочками, что оказывали весь спектр услуг сельскому населению.

От портного Мор вышел через пять минут, облаченный в коричневую хламиду неопределенного кроя и назначения, не востребованную заказчиком по вполне понятным причинам и взятую на вырост, исходя из предположения, что он вырастет слоном о девятнадцати ногах.

Лезек критически оглядел сына.

– Недурно, – заключил он, – для своих денег.

– У меня все зудит, – пожаловался Мор. – Кажется, я тут внутри не один.

– Тысячи парней сказали бы спасибо за такой ладный, теплый... – Лезек помедлил и сдался, – костюмчик, юноша.

– Так, может, поделимся с ними? – с надеждой спросил Мор.

– Ты должен прилично выглядеть, – сурово оборвал его Лезек. – Чтобы производить впечатление и выделяться среди прочих.

И действительно. Он выделялся. Протискиваясь сквозь запрудившие площадь толпы покупателей, Мор с отцом погрузились каждый в свои мысли. Обычно Мор только радовался вылазкам в город с его космополитичной атмосферой и причудливыми говорами гостей из далеких – миль пять, а то и десять – деревень, но на сей раз его охватило неприятное, тревожное чувство, будто он вспомнил то, чего еще не случилось.

На ярмарке, насколько можно было судить, установился такой порядок: в центре площади выстроились кривыми шеренгами работяги. У многих на шляпах красовались небольшие символы профессий и ремесел: пастухи цепляли себе клок шерсти, извозчики – моток конского волоса, мастера по ремонту – полоску симпатичной мешковины для обивки стен, и все в таком духе.

Юноши, метившие в подмастерья, сгруппировались с пупстороннего края площади.

– Ступай вон туда и жди, когда кто-нибудь подойдет и предложит взять тебя на обучение, – неуверенно промямлил Лезек. – Если ему твой вид понравится.

– Это как? – поинтересовался Мор.

– Ну... – начал Лезек и осекся. На этот счет Хэмеш никаких разъяснений не давал. Пришлось обратиться к собственным скудным познаниям в торговле, которые ограничивались продажей скота: – Наверное, он зубы тебе пересчитает, то-се. Убедится, что ты не сопишь, что ноги целы. Я бы на твоём месте не стал говорить, что ты грамотный – это людей пугает.

– А потом что? – допытывался Мор.

– Потом начнешь осваивать ремесло, – объяснил Лезек.

– Какое именно?

– Ну не знаю... на плотника выучишься, – наобум предположил отец, – это дело хорошее.

Или на вора. Кто-то ведь и по этой части должен идти.

Мор потупился. Он, когда не отвлекался, был примерным сыном, и если родители постановили отдать его в ученики, значит, учиться нужно на совесть. Однако плотницкое ремесло его не прельщало – дерево славилось своим упрямством и склонностью трескаться. Что же до воровства, то в Овцепиках официально зарегистрированные воры были наперечет – люди просто не могли позволить себе их содержать.

– Ладно, – сказал он наконец, – пойду попробую. А если меня не возьмут в подмастерья, что тогда?

Лезек почесал в затылке.

– Тогда не знаю. Видимо, ждать до закрытия ярмарки. До полуночи. Наверное.

* * *

Близились полночь.

Мостовая начала покрываться легкой изморозью. На вершине часовой башни, украшавшей городскую площадь, под циферблатом распахнулись два окошка, откуда выскочили изящно сработанные механические фигурки и пробили четверть часа.

Без четверти полночь. Мор весь съежился, но в нем полыхало алое пламя стыда и упрямства, обжигая сильнее, чем спуск в Преисподнюю. От нечего делать он подул на пальцы, а потом задрал голову к морозному небу, лишь бы не встречаться глазами с немногочисленными людьми, бродившими среди того, что осталось от ярмарки.

Большинство торговцев, убрав с прилавков свой товар, давно разошлись по домам. Даже продавец горячих пирожков с мясом перестал их расхваливать и теперь, рискуя здоровьем, доедал.

Несколько часов назад пристроился к месту и последний из претендентов на ученичество. Это был сутулый, хлюпающий носом косоглазый парнишка, и единственный на все Овцекряжье профессиональный попрошайка провозгласил его идеальной кандидатурой. Парня, стоявшего по другую руку от Мора, забрал к себе в мастерскую игрушечник. Один за другим уходили будущие каменщики, кузнецы, наемные убийцы, галантерейщики, бондари, наперсточники и пахари. Через несколько минут настанет новый год, и сотни мальчишек с надеждой окунутся в свои профессии, в новую жизнь, полную достойного служения обществу.

Мор печально размышлял, почему никто не выбрал его самого. Он так старался выглядеть солидно и смотрел потенциальным наставникам прямо в глаза, дабы впечатлить их своим превосходным характером и весьма симпатичными чертами. Но эффект это, похоже, возымело прямо противоположный.

– Хочешь горячий пирожок с мясом? – раздался голос отца.

– Нет.

– Распродают за бесценок.

– Не хочу, спасибо.

– Эх. – Лезек колебался. – Я могу спросить у лоточника, не нужен ли ему помощник, – заботливо предложил он. – Очень надежное дело – едой торговать.

– Не думаю, что нужен, – сказал Мор.

– Да, наверное, – согласился Лезек. – У него ведь индивидуальное предприятие. И вообще он уже ушел. Мы с тобой вот как поступим: я оставлю тебе кусочек.

– Я не голодный, пап.

– Хрящей почти не попадает.

– Да не надо. Но все равно спасибо.

– О. – Лезек слегка приуныл. Он невпопад насвистывал сквозь зубы какую-то мелодию и пританцовывал, чтобы разогнать по ногам живительное тепло. Он понимал: надо что-нибудь сказать, дать какой-нибудь совет, объяснить, что жизнь полна взлетов и падений, обнять сына

за плечи и потолковать с ним о проблемах взросления – короче говоря, донести простую мысль: мир наш – штука забавная, и здесь, выражаясь метафорически, ни к чему воротить нос от предложенного пирожка с мясом, горячего и сочного.

Они остались совсем одни. Мороз, последний в этом году, крепчал, оплетая своими путами булыжники мостовой.

В башне у них над головами часовая шестеренка, лязгнув, привела в движение рычаг, повернула храповик, и тяжелый свинцовый груз упал вниз. С жутким металлическим скрежетом распахнулись окошки на циферблате, выпуская наружу заводные фигурки. Судорожно размахивая молоточками, будто мучимые механическим артритом, они начали отбивать новый день.

– Ну вот и все, – с надеждой проговорил Лезек.

Теперь им предстояло где-нибудь устроиться на ночлег: Страждественская ночь – не то время, чтобы шататься по горам. Может, отыщется какой-нибудь хлев...

– Полночь только с последним ударом наступит, – сказал Мор отстраненно.

Лезек пожал плечами. Он не мог противостоять сокрушительной силе сыновнего упрямства.

– Ладно, – сказал он. – Подождем еще.

И тут они услышали приближающийся цокот копыт, который гремел по заиндевелой площади куда сильнее, чем должна была позволять акустика. Впрочем, назвать нараставший вокруг Мора грохот цокотом было бы в корне неверно; «цок-цок» – так, пожалуй, скачет маленький веселый пони с торчащими сквозь прорези соломенной шляпки ушами. Но та резкость, с какой подступали *эти* звуки, решительно исключала даже намек на соломенные шляпки.

Выбивая из булыжников искры, со стороны Пула на площадь влетел жеребец в облаке поднимающегося от взопревших крутых белых боков пара. Он держался горделиво, как боевой конь. И совершенно точно не носил соломенной шляпки.

На его спине восседала укутанная от холода фигура. Когда жеребец остановился в центре площади, всадник неторопливо спешил и принялся возиться с чем-то притороченным к седлу. Наконец он – или она – достал торбу, закрепил ее за конскими ушами и дружески потрепал скакуна по шее.

Воздух сгустился и будто замаслился, а глубокие тени, окружавшие Мора, приобрели сине-пурпурную с радужным переливом окантовку. Всадник быстрым шагом направился к нему, черный балахон развевался за спиной, а ноги чуть прищелкивали по булыжникам. Никакие другие звуки не нарушали тишину, ватным комом повисшую над площадью.

Впечатляющий эффект изрядно подпортила замерзшая лужа.

– ЧТОБ ТЕБЯ.

Это было сказано не голосом. Точнее, слова прозвучали, но в голове у Мора они возникли сами собой, минуя уши.

Бросившись на помощь распластавшейся на камнях фигуре, Мор ухватился было за худое запястье, но обнаружил, что держится за отполированную кость цвета пожелтевшего от времени бильярдного шара. Соскользнувший на плечи капюшон обнажил череп, обративший к Мору пустые глазницы.

Впрочем, нет, не совсем пустые. В них, словно в окнах, выходящих в черную бездну космоса, мерцали две крошечные голубые звездочки.

Мору пришло в голову, что это должно бы его испугать, и он поразился, обнаружив, что ему не страшно. Перед ним сидел скелет, потирал колени и ворчал себе под нос, но это был живой скелет, довольно внушительного вида, однако по какой-то странной причине не слишком страшный.

– СПАСИБО, ЮНОША, – заговорил череп. – КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

– Э-э... – протянул Мор. – Мортимер... сэр. Но все называют меня Мор.

– КАКОЕ СОВПАДЕНИЕ, – сказал череп. – ПОМОГИ МНЕ ВСТАТЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Неуклюже поднявшись, скелет принялся отряхиваться. Мор разглядел массивный пояс, на котором висел меч с белой рукоятью.

– Надеюсь, вы не ушиблись, сэр, – вежливо сказал Мор.

Череп ухмыльнулся. Впрочем, подумалось Мору, ничего другого он сделать и не мог.

– НЕ СТОИТ БЕСПОКОЙСТВА. – Оглядевшись, скелет наконец заметил Лезека, который словно примерз к месту. Самое время кое-что прояснить, подумал Мор.

– Это мой отец. – Он попытался загородить собой приросшего к мостовой родителя, никого при этом не разгневав. – Простите, сэр, а вы – Смерть?

– В ТОЧКУ. ВЫСШИЙ БАЛЛ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ, ЮНОША.

Мор сглотнул.

– Мой отец – хороший человек, – сказал он. Немного подумал и добавил: – Довольно хороший. Если вы не возражаете, я предпочел бы, чтобы вы его не трогали. Не знаю, что вы с ним сотворили, но прошу вас это прекратить. Не в обиду вам будь сказано.

Смерть отступил назад, склонив череп набок.

– Я ПРОСТО НЕНАДОЛГО ВЫВЕЛ НАС ЗА ПРЕДЕЛЫ ВРЕМЕНИ, – объяснил он. – ТВОЙ ОТЕЦ НЕ УВИДИТ И НЕ УСЛЫШИТ НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО МОГЛО БЫ ЕГО ВСТРЕВОЖИТЬ. НЕТ, ЮНОША, Я ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ.

– За мной?

– ТЕБЕ ВЕДЬ НУЖНА РАБОТА?

На Мора снизошло озарение.

– Вы ищете *ученика*? – спросил он.

Пустые глазницы Смерти полыхнули резким люминесцентным светом.

– ИМЕННО.

Смерть взмахнул костяной рукой. Площадь озарилась пурпурной вспышкой – чем-то вроде видимого хлопка, – и Лезек пришел в движение. Фигурки на часовой башне продолжили отбивать полночь, а Время получило разрешение осторожно вернуться на свое место.

Лезек моргнул.

– Я и не заметил, как вы подошли, – пробормотал он. – Извините, отвлекся, наверное.

– Я ПРЕДЛОЖИЛ ВАШЕМУ СЫНУ РАБОТУ, – сообщил Смерть. – ПОЛАГАЮ, ВЫ НЕ БУДЕТЕ ВОЗРАЖАТЬ?

– А напомним, чем вы промышляете? – Лезек и бровью не повел, адресуя свой вопрос скелету в черном балахоне.

– ПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ ДУШ В МИР ИНОЙ, – отозвался Смерть.

– Ах да, – сказал Лезек. – Простите, конечно, по вашему наряду мог и сам догадаться. Дело нужное, а главное, стабильное. Давно работаете?

– НЕ ПЕРВЫЙ ГОД, ДА.

– Прекрасно. Прекрасно. Никогда не представлял Мора в этой должности, но дело-то хорошее, хорошее дело, и надежное. А как вас зовут?

– СМЕРТЬ.

– Папа... – торопливо начал Мор.

– Не сказал бы, что название вашей фирмы на слуху, – засомневался Лезек. – А где именно вы ведете дела?

– ОТ ГЛУБОЧАЙШИХ МОРСКИХ ВПАДИН ДО ТАКИХ ВЫСОТ, КУДА НЕ ДОЛЕТЕТЬ ДАЖЕ ОРЛУ.

– Этого следовало ожидать, – кивнул Лезек. – Что ж, я...

– Пап... – Мор подергал отца за тулуп.

Ему на плечо легла рука Смерти.

– ТВОЙ ОТЕЦ ВИДИТ И СЛЫШИТ НЕ ТО, ЧТО ВИДИШЬ И СЛЫШИШЬ ТЫ, – сказал он. – НЕ СТОИТ ЕГО ТРЕВОЖИТЬ. КАК ДУМАЕШЬ, ХОТЕЛОСЬ БЫ ЕМУ УВИДЕТЬ МЕНЯ... ВО ПЛОТИ, ФИГУРАЛЬНО ВЫРАЖАЯСЬ?

– Но вы же Смерть! Вы же убиваете всех, кто под руку подвернется!

– Я? УБИВАЮ? – Смерть явно оскорбился. – НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. ДА, ЛЮДИ ПОГИБАЮТ, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ. Я ПОДКЛЮЧАЮСЬ УЖЕ ПОТОМ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЕСЛИ БЫ УБИТЫЕ НЕ УМИРАЛИ, ЭТО БЫЛ БЫ ЧЕРТОВСКИ НЕЛЕПЫЙ МИР, СОГЛАСЕН?

– Ну, наверное... – с сомнением протянул Мор.

Слова «заинтригован» он никогда не слышал. В его семье оно было не в ходу. Однако зававшая в душу искорка подталкивала Мора к мысли, что перед ним стоит нечто невероятное, завораживающее и не такое уж пугающее, и если он упустит предлагаемую возможность, то будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. А потом он вспомнил о пережитых за день унижениях и о том, какой долгий предстоит путь домой...

– Э-эм... – начал он, – чтобы получить у вас место, мне ведь не обязательно умирать, правда?

– БЫТЬ МЕРТВЫМ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

– А... как насчет костей?..

– ЭТО ПО ЖЕЛАНИЮ.

Мор снова выдохнул. Идея казалась ему все более привлекательной.

– Если папа согласен, – сказал он.

Они посмотрели на Лезека, который почесывал в бороде.

– А сам-то ты что думаешь, Мор? – спросил отец с хрупкой веселостью жертвы лихорадки. – Такое занятие не всякому по нраву. Я, признаюсь, о таком не думал. Но, говорят, могильщик – уважаемая профессия. Так что выбор за тобой.

– Могильщик? – переспросил Мор. Смерть кивнул и заговорщически прижал палец к губам.

– Это интересно, – выдавил Мор. – Я думаю, стоит попробовать.

– Так где, говорите, вы работаете? – вновь спросил Лезек. – Далеко отсюда?

– НЕ ДАЛЬШЕ ТОЛЩИНЫ ТЕНИ, – ответил Смерть. – КОГДА ПРОЗВУЧАЛ ПЕРВЫЙ ЖИВОТНЫЙ ЗОВ, Я БЫЛ РЯДОМ. ГДЕ БЫ НИ ОКАЗАЛСЯ ЧЕЛОВЕК, Я ВСЕГДА РЯДОМ. И КОГДА ПОСЛЕДНЕЕ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО БУДЕТ ПОЛЗАТЬ ПОД ХОЛОДЕЮЩИМИ ЗВЕЗДАМИ, Я БУДУ РЯДОМ.

– Ага, – заключил Лезек, – стало быть, много разъезжаете. – Его лицо на миг сделалось озадаченным, будто он попытался припомнить что-то важное, но в конце концов сдался.

Смерть дружески потрепал его по плечу и повернулся к Мору:

– КАКОЕ-НИБУДЬ ИМУЩЕСТВО ПРИ СЕБЕ ЕСТЬ, ЮНОША?

– А как же, – ответил Мор и сразу спохватился: – Только мы его забыли в одежной лавке. Пап, мой узелок в лавке остался!

– Она уж закрылась, – напомнил Лезек. – А на Страшдество лавки не открываются. Придется ждать до послезавтра... Ну, то есть теперь уже до завтра.

– ЭТО МЕЛОЧИ. НАМ ПОРА УХОДИТЬ. НЕ СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО СКОРО ДЕЛА ВНОВЬ ЗАНЕСУТ МЕНЯ В ЭТИ КРАЯ.

– Надеюсь, вы скоро сможете заехать и повидать нас, – сказал Лезек. Похоже, у него путались мысли.

– Не уверен, что это хорошая идея, – заметил Мор.

– Ну, прощай, парень, – сказал Лезек. – Делай все, что тебе скажут, ты понял? И... простите, сэр, а есть ли у вас сын?

Вопрос застал Смерть врасплох.

– НЕТ, СЫНОВЕЙ У МЕНЯ НЕТ.

– С вашего позволения, я переговорю напоследок с моим мальчиком.

– А Я ПОКА ПРОВЕРЮ, КАК ТАМ МОЙ ЖЕРЕБЕЦ, – сказал Смерть с чем-то большим, чем обычная деликатность.

Приобняв Мора за плечи, что далось ему с трудом – Мор очень вытянулся, – Лезек повел сына через площадь.

– Ты ведь знаешь, Мор, что это дядя Хэмеш рассказал мне, что можно отдать тебя в подмастерья? – прошептал он.

– И что?

– Так вот, он мне еще кое-что сказал, – поделился старик. – Он сказал, что подмастерье, бывает, наследует дело своего учителя. Что думаешь?

– Гм. Даже и не знаю, – признался Мор.

– А подумать стоит, – не унимался Лезек.

– Я *думаю*, папа.

– Хэмеш говорил, что многие парни так начинают. Показывают свою расторопность, заслуживают уважение учителя, а если в доме есть дочери... господин... как там его... господин не упоминал, есть ли у него дочери?

– Какой еще господин? – спросил Мор.

– Господин... наставник твой.

– А. Нет. Нет, не думаю, что есть, – ответил Мор. – Он, кажется, не из тех, кто женится.

– Не один сообразительный юноша обязан успехом своевременному бракосочетанию, – наставлял Лезек.

– Надо же.

– Мор, ты как будто не слушаешь.

– А? Что?

Лезек остановился на обледенелых булыжниках и развернул сына к себе лицом.

– Так дело не пойдет, – сказал он. – Ты не понимаешь, что ли, парень? Если будешь все пропускать мимо ушей, ничего из тебя путного не выйдет. Это я тебе как отец говорю.

Мор смотрел на него сверху вниз. Ему хотелось сказать многое: хотелось объяснить, как сильно он любит отца и как за него беспокоится; хотелось спросить, что, по мнению Лезека, тот только что видел и слышал. Хотелось рассказать, что он чувствует себя так, словно наступил на кротовину, а та оказалась вулканом. Хотелось узнать, что значит слово «бракосочетание».

Но вслух он произнес совсем другое:

– Ага. Спасибо. Мне, наверное, пора. Я попробую написать вам письмо.

– Найдется, наверное, какой-нибудь путник, который сможет нам его прочитать, – сказал Лезек. – Прощай, Мор. – Он высморкался.

– Прощай, пап. Я вернусь навестить вас, – сказал Мор. Смерть тактично откашлялся, но прозвучало это словно треск надломившихся перекрытий, вконец изъеденных жуком-точильщиком.

– НАМ ПОРА. ЗАПРЫГИВАЙ, МОР.

Пока Мор пытался устроиться на спине жеребца позади расшитого серебром седла, Смерть, склонившись, пожал руку Лезеку.

– БЛАГОДАРИЮ.

– В душе-то он парень неплохой, – бормотал Лезек. – В облаках витает, не без этого. Ну, все мы когда-то были молоды.

Эти слова заставили Смерть задуматься.

– НЕТ, – сказал он. – НЕ ВСЕ.

Смерть подобрал поводья и повернул коня в сторону Краевого тракта. Сидевший позади черной фигуры Мор отчаянно помахал отцу.

Лезек помахал в ответ. А потом, когда жеребец и двое его наездников скрылись из виду, он опустил руку и посмотрел на ладонь. Рукопожатие... странное оно было. Но почему – этого Лезек припомнить уже не мог.

* * *

Мор прислушивался к клаянью копыт по мостовой. Позже, с выездом на утрамбованную дорогу, оно сменилось глухим перестуком, а потом наступила тишина.

Опустив глаза, Мор увидел раскинувшийся далеко внизу пейзаж; ночная тьма была инкрустирована лунным серебром. Если бы он свалился, то ударился бы только о воздух.

Мор что было мочи вцепился в седло.

Тут Смерть спросил:

– ЕСТЬ ХОЧЕШЬ, ЮНОША?

– Очень, сэр. – Мозг к этим словам не имел никакого отношения, они поднялись прямо из желудка.

Смерть кивнул и придержал коня. Под остановившимся в воздухе жеребцом мерцала грандиозная круговая панорама Диска. Города внизу светились оранжевым заревом, а теплые моря в Краевых землях излучали едва уловимое сияние. Скопившийся за день в глубоких лощинах свет Диска, медленный и тяжеловатый¹, испарялся серебристым туманом.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с сиянием, что устремлялось к звездам от самого Края. Сильнейшие потоки света мерцали и переливались в ночи. Мир опоясывала огромная золотая стена.

– До чего же красиво, – чуть слышно сказал Мор. – А что это?

– СОЛНЦЕ ПРОХОДИТ ПОД ДИСКОМ, – объяснил Смерть.

– И так каждую ночь?

– КАЖДУЮ НОЧЬ, – подтвердил Смерть. – ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ.

– И никто об этом не знает?

– Я ЗНАЮ. ТЫ. И БОГИ. СЛАВНО, ПРАВДА?

– Да уж!

Смерть свесился с седла и окинул взглядом все царства мира.

– НЕ ЗНАЮ, КАК ТЫ, – сказал он, – А Я БЫ ПРИКОНЧИЛ КАРРИ.

* * *

Хотя было уже далеко за полночь, жизнь в двойном городе Анк-Морпорке бурлила. На фоне суеты здешних улиц Овцекряжье, казавшееся Морю довольно оживленным местом, можно было сравнить разве что с покойницей.

Поэты не раз пытались описать Анк-Морпорк. Но тщетно. Быть может, все дело в бьющей ключом жизненной энергии этого города, а может, не оснащенный канализацией мегаполис с миллионным населением попросту не по зубам поэтам, предпочитающим, что неуди-

¹ Обогнать свет Плоского мира, в отличие от света обычного ленивый и смирный, может почти все что угодно. Обычный же свет способна обогнать только монархия – к такому заключению пришел философ Лай Тин Видль. Рассуждал он так: поскольку в течение одного периода времени более одного короля править не может, а традиция требует, чтобы между королями не было никаких промежутков, следовательно, когда король умирает, его преемник наследует престол мгновенно. По-видимому, говорил он, имеют место быть некие элементарные частицы – королионы или, возможно, королевоны, – которые выполняют эту функцию, но цепочка наследования, само собой, может прерваться, если в процессе полета эти частицы сталкиваются с античастицей, то есть республиконом. Честолюбивый план применить это открытие для передачи сообщений, аккуратно пытаясь с целью модуляции сигнала какого-нибудь мелкого королька, так и не был обнародован полностью, потому что в этот момент бар закрылся.

тельно, нарциссы. Поэтому давайте ограничимся замечанием, что Анк-Морпорк полон жизни, как оставленный на солнцепеке сыр; громок, как брошенное в храме ругательство; блестящ, как нефтяная пленка; многоцветен, как фингал; и так же кишит деятельностью, работой, суетой и чистейшей, бьющей через край суматохой, как дохлый пес на термитнике.

В этом городе были храмы с распахнутыми дверьми, откуда доносился звон гонгов и цимбал, а в случае более консервативных фундаменталистских религий – краткие вскрики жертв. Там были лавки, из которых высыпались на мостовую диковинные товары. Там были общительные юные девушки, не способные позволить себе большого количества одежды. Там были огни, и жонглеры, и разношерстные продавцы мгновенных трансцендентальных опытов.

И через все это шествовал Смерть. Мор ожидал, что он будет просачиваться сквозь толпу стружкой дыма, но на поверку все оказалось совсем иначе. Куда бы ни направился Смерть, народ сам собой расходился в стороны.

У Мора так не получалось. Толпа, мягко расступавшаяся перед его новым наставником, резко смыкалась перед самым его носом. Мору оттоптали ноги и пересчитали все ребра, ему пытались втюхать омерзительные специи и овощи анатомических форм, а довольно пожилая госпожа, вопреки очевидному, назвала его статным юношей, который явно не прочь хорошо провести время.

Мор горячо ее поблагодарил и сказал, что он и так уже хорошо проводит время.

Смерть добрался до перекрестка и принялся; огонь закрепленного на стене факела играл яркими бликами на полированном куполе его черепа. Шедший мимо на заплетающихся ногах пьянчужка вдруг, сам не понимая почему, сделал небольшой крюк, прежде чем продолжить свой вихляющий путь.

– ВОТ МЫ И В ГОРОДЕ, ЮНОША. КАК ТЕБЕ?

– Он такой большой, – неуверенно проговорил Мор. – Не понимаю, отчего всех тянет жить друг у друга на головах?

Смерть пожал плечами:

– А МНЕ НРАВИТСЯ. ОН ПОЛОН ЖИЗНИ.

– Сэр...

– ДА?

– А что такое карри?

В глубине глазниц Смерти вспыхнули голубые огоньки.

– ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ПРОБОВАЛ НА ЗУБ РАСКАЛЕННЫЙ ДОКРАСНА КУБИК ЛЬДА?

– Нет, сэр, – ответил Мор.

– ОТ КАРРИ ОЩУЩЕНИЕ ТАКОЕ ЖЕ.

– Сэр...

– ДА?

Мор сглотнул.

– Простите, сэр, но отец мне говорил: если чего не поймешь, спрашивай.

– МУДРЫЙ СОВЕТ. – Смерть свернул в переулок; толпы распадались перед ним на беспорядочные молекулы.

– Понимаете, сэр, я не мог не заметить... дело в том, что... ну... если попросту, сэр, то...

– НЕ МЯМЛИ, ЮНОША.

– А как вы едите, сэр?

Смерть резко остановился, и Мор врезался ему в спину. Он собрался было что-то сказать, но подчинился требующему молчания жесту. Кажется, Смерть к чему-то прислушивался.

– ТЫ ЗНАЕШЬ, БЫВАЮТ СЛУЧАИ, – сказал он, – КОГДА Я ОЧЕНЬ СЕРЖУСЬ.

Разворот на костяной пятке – и Смерть бросился в переулочек, только балахон развеивался за спиной. Дорога виляла между темными оградами и спящими домами: не проход, а какая-то кривая щель.

Смерть остановился у побитой жизнью бочки с водой, запустил в нее всю руку целиком и выудил со дна небольшой мешок с привязанным к нему кирпичом. Выхватив меч – луч искрящего голубого огня во тьме, – он перерубил веревку.

– ВОТ СЕЙЧАС Я НЕ НА ШУТКУ РАЗГНЕВАН.

На глазах у Мора из перевернутого мешка высыпались жалкие, вымокшие комочки меха, которые упали в растекающуюся по мостовой лужу. Смерть нежно погладил их костяными пальцами.

Вскоре от комочков заструилось нечто вроде сероватого дымка, сгустившегося в три маленьких кошкоподобных облачка. Время от времени они колыхались, до конца не уверенные в собственной форме, и моргали на Мора озадаченными серыми глазками. Когда он попробовал коснуться одного из облачков, его рука прошла сквозь него, ощутив легкое покалывание.

– НА ЭТОЙ РАБОТЕ С ЛУЧШИМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАТУРЫ СТАЛКИВАТЬСЯ НЕ ПРИХОДИТСЯ, – сказал Смерть. Он легонько подул на котенка, и тот закувыркался в воздухе. Его недовольное мяуканье звучало так, словно доносилось из длинной жестяной трубы.

– Это ведь души? – спросил Мор. – А у людей какие?

– ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ, – ответил Смерть. – ЕСЛИ КОРОТКО, ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ХАРАКТЕРА МОРФОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.

Смерть вздохнул – будто саван прошелестел, – взял котят на руки и осторожно укрыл где-то в темных глубинах своего балахона. Он поднялся.

– А ТЕПЕРЬ – КАРРИ.

* * *

В «Садах Карри» на углу Божьей улицы и Кровавого переулка было не протолкнуться; здесь собирались исключительно сливки общества – во всяком случае, та его часть, что всплывает на поверхность и не тонет, а оттого в среде осмотрительных людей именуется сливками. Благоухающие кустарники, посаженные между столами, почти маскировали присущий городу аромат, который иные называли обонятельным эквивалентом береговой сирены.

Мор с жадностью набивал рот, стараясь сдерживать свое любопытство и не смотреть, как Смерть управляет с приемом пищи. Вначале съестное однозначно присутствовало на столе, но потом куда-то исчезало: естественно было предположить, что между этими крайними точками что-то происходило. Мор заподозрил, что Смерть на самом деле не привык к подобному времяпрепровождению и устроил все это лишь для того, чтобы подбодрить ученика, – так пожилой дядюшка-холостяк, которому подкинули на выходные племянника, трясется, как бы не сделать чего не так.

Остальные клиенты не обратили на них никакого внимания, даже когда Смерть, откинувшись на спинку стула, раскурил изящную трубку. Не так-то просто не замечать, как из чьих-то глазниц валит дым, но все справились.

– Это колдовство? – спросил Мор.

– А ТЫ КАК ДУМАЕШЬ? КАК ПО-ТВОЕМУ, ЮНОША, ЗДЕСЬ Я ИЛИ МЕНЯ НЕТ?

– Здесь, – медленно произнес Мор. – Я... Я наблюдал за людьми. Они смотрят на вас, но, кажется, не видят. Вы как-то влияете на их мозги.

Смерть покачал головой.

– ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО САМИ, – сказал он. – НИКАКОГО КОЛДОВСТВА НЕ НУЖНО. ЛЮДИ МЕНЯ НЕ ВИДЯТ; ОНИ ПОПРОСТУ НЕ ПОЗВОЛЯЮТ СЕБЕ ЭТОГО. ПОКА НЕ

НАСТАНЕТ ИХ ЧЕРЕД, РАЗУМЕЕТСЯ. МЕНЯ ВИДЯТ ВОЛШЕБНИКИ, И КОШКИ ТОЖЕ. А ПРОСТЫЕ СМЕРТНЫЕ... НЕТ, НИКОГДА. – Смерть выпустил в небо дымное колечко и добавил: – НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ.

Мор смотрел, как колечко, колышась, поднимается ввысь и уплывает в сторону реки.

– Но я-то вас вижу.

– НЕ СРАВНИВАЙ.

Официант-клатец, приземистый, смуглый, круглолицый, с прической в виде взорвавшегося кокосового ореха, положил перед Смертью счет и озадаченно нахмурился, встретив любезный кивок. Он помотал головой, словно пытаясь вытряхнуть из ушей остатки мыла, и отошел.

Смерть выудил из глубин балахона большой кожаный кисет, полный медяков разного достоинства, подернутых, за редкими исключениями, сине-зеленой патиной веков. Счет подвергся самой тщательной проверке. После этого Смерть отсчитал дюжину монет.

– ПОЙДЕМ, – сказал он, поднимаясь. – НАМ ПОРА.

Мор поспешил следом за Смертью – через палисадник и на улицу, по-прежнему многолюдную, хотя на горизонте уже занимался рассвет.

– А чем мы займемся теперь?

– КУПИМ ТЕБЕ НОВУЮ ОДЕЖДУ.

– Да мне эту только сегодня купили... то есть вчера.

– ПРАВДА?

– Отец сказал, та лавка славится недорогой одеждой. – Чтобы не отставать, Морю пришлось бежать.

– ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПОВОД СТРАШИТЬСЯ НИЩЕТЫ.

Они свернули на широкую улицу, ведущую в зажиточный район города (где фонари встречались чаще, а навозные кучи – реже). Здесь не было ни киосков, ни лоточников, а были настоящие здания с вывесками на фасадах. Язык бы не повернулся обозвать такое место лавкой: это были настоящие бутики, с поставщиками, сиденьями и плевательницами. Большинство из них не закрывалось даже в такой поздний час, потому что среднестатистическому анкскому торговцу не дают спать мысли о деньгах, которые он в этот момент не зарабатывает.

– Здесь что, вообще спать не ложатся? – спросил Мор.

– ЭТО КРУПНЫЙ ГОРОД, – ответил Смерть и распахнул дверь в магазин одежды. Через двадцать минут, когда они его покинули, на Море красовалась подогнанная по фигуре черная мантия, отделанная тончайшим серебряным шитьем, а хозяин магазина таращился на горку старинных медяков у себя на ладони, гадая, откуда они взялись.

– Как к вам попадают все эти монеты? – поинтересовался Мор.

– ПАРАМИ.

Пока Мора стригли по последней городской моде в круглосуточной цирюльне, Смерть отдыхал в соседнем кресле, напевая себе под нос. К собственному удивлению, он был в приподнятом настроении.

Через некоторое время он даже откинул капюшон и взглянул на подмастерье цирюльника, который повязал полотенце ему вокруг шеи, двигаясь в той сомнамбулической манере, какую Мор уже научился различать.

– СБРЫЗНИТЕ ОДЕКОЛОНОМ И ОТПОЛИРУЙТЕ, ЛЮБЕЗНЫЙ.

Пожилой волшебник, которому в другом конце зала подравнивали бороду, напрягся, услышав этот мрачный свинцовый голос, и оглянулся. Смерть медленно – для пущего эффекта – повернулся к нему и одарил его улыбкой; волшебник, побледнев, забормотал защитные заклинания.

Вскоре Мор, которого теперь щекотал за ушами холодный воздух и сильно мучило смущение, уже возвращался вместе со Смертью к конюшне, где поджидал оставленный жеребец.

Юноша пытался горделиво вышагивать – к этому располагали и новый наряд, и стрижка. Получалось у него не очень.

* * *

Мор проснулся.

Он лежал, глядя в потолок и восстанавливая в памяти события предыдущего дня, которые выкристаллизовывались в его сознании, как кубики льда.

Он никак не мог познакомиться со Смертью. Не мог ужинать в компании скелета со светящимися синими глазами. Это наверняка был сон. Он не мог усесться на круп огромного белого коня, который галопом взмыл в небеса, а затем направился...

...куда?

Ответ пришел ему в голову так же неизбежно, как приходят налоговые уведомления.

Сюда.

Проведя ладонью по остриженным волосам, Мор ощупал постельное белье из какой-то гладкой, скользкой материи. Она была куда тоньше грубой и пахнущей овцами шерсти, на которой он спал дома; она напоминала теплый сухой лед.

Мор торопливо соскочил с постели и оглядел комнату.

Она была большой, больше, чем весь его родной дом, и сухой – сухой, как старые гробницы под вековыми песками пустынь. У воздуха был такой вкус, будто его несколько часов жарили и лишь потом позволили ему остыть. Пушистый ковер, который при каждом движении босых ног Мора потрескивал электрическими разрядами, мог бы спрятать в своем ворсе целое племя пигмеев. В убранстве преобладали оттенки фиолетового и черного.

Только сейчас Мор обнаружил, что одет в белоснежную ночную сорочку. Его верхняя одежда была аккуратно сложена у изголовья кровати, на стуле, украшенном, как невозможно было не заметить, изящным резным орнаментом из черепов и костей.

Мор присел на краешек кровати и начал одеваться, лихорадочно соображая.

Осторожно приоткрыв тяжелую дубовую дверь, он даже немного расстроился, когда не услышал зловещего скрипа.

За дверью тянулся пустой, обшитый деревом коридор, на противоположной стене которого были закреплены канделябры с массивными желтыми свечами. Мор на цыпочках вышел из комнаты и бочком, вплотную прижимаясь к деревянной обшивке, добрался до лестницы. Ничего зловещего во время спуска не произошло, и Мор оказался в прихожей, из которой вело множество дверей. Здесь висели траурные драпировки и стояли напольные часы, тиканье которых напоминало биение сердца горы. Рядом с часами стояла подставка для зонтиков.

Из нее торчала коса.

Мор обвел взглядом двери. Вид у них был внушительный. Окружающая их резьба повторяла уже знакомый ему узор из костей. Когда Мор сделал шаг в сторону ближайшей двери, позади него раздался голос:

– Тебе туда нельзя, мальчик.

Мор не сразу понял, что слова эти не возникли у него в голове, а были сказаны человеческим языком и достигли его ушей самым привычным образом – через посредство воздушных колебаний, как и было задумано природой. Природе пришлось изрядно попотеть ради этих четырех слов, произнесенных с легким раздражением.

Мор обернулся. И увидел девушку одного с ним роста, но, вероятно, несколькими годами старше. У нее были серебристые волосы, глаза с перламутровым отливом и изящное, но совершенно непрактичное длинное платье – вроде тех, что носят трагические героини, которые, прижимая к груди розу, томно взирают на луну. Мору неоткуда было знать словосочетание «префаэлитский тип», а жаль, ведь оно было бы почти точным ее описанием. Впрочем, подобные

девы имеют вид скорее полупрозрачный, чахоточный, здесь же налицо было легкое злоупотребление шоколадом.

Склонив голову набок, девушка не сводила с него глаз и досадливо постукивала ножкой по полу. А затем, резко выбросив вперед руку, ущинула Мора за локоть.

– Ай!

– Хм. И вправду живой, – сказала она. – Как тебя зовут, мальчик?

– Мортимер. Все называют меня Мор, – ответил он, потирая локоть. – Ты чего щиплешься?

– Я буду называть тебя «мальчик», – продолжала она. – И, конечно, я не обязана перед тобой оправдываться, ты же понимаешь, но, если уж тебе интересно, я думала, что ты мертвец. Выглядишь ты точно как мертвец.

Мор промолчал.

– Язык проглотил?

На самом деле Мор считал до десяти.

– Никакой я не мертвец, – в конце концов сказал он. – По крайней мере, мне так кажется. Хотя трудно сказать наверняка. А ты кто такая?

– Можешь называть меня госпожой Изабель, – высокомерно сообщила она. – Отец велел тебя накормить. Следуй за мной.

Она направилась к одной из дверей. Мор следовал за ней ровно на таком расстоянии, чтобы дверь, захлопываясь, успела садануть его по другому локтю.

За дверью обнаружилась кухня – продолговатое, хорошо прогретое помещение с низкими сводами, где с потолка свисали медные кастрюли, а от стены до стены тянулась закопченная чугунная печь с плитой. У плиты, насвистывая, стоял какой-то старик и жарил яичницу с беконом.

Уже на входе ее запах атаковал вкусовые рецепторы Мора, намекая, что не прочь сойтись с ними накоротке и хорошо провести время. Мор обнаружил, что его ноги двинулись вперед, даже не проконсультировавшись с ним.

– Альберт, – окрикнула Изабель, – еще одного завтраком накорми.

Старик медленно обернулся и молча кивнул. Изабель снова обратилась к Морю.

– Должна заметить, – сказала она, – что отец, имея в своем распоряжении все население Диска, мог бы выбрать и кого-нибудь получше. Ну, тут уж ничего не попишешь, сойдешь и ты.

Она выскочила из кухни, хлопнув дверью.

– На что сойду? – спросил Мор, ни к кому конкретно не обращаясь.

Тишину кухни нарушало только скворчание масла на сковороде да потрескивание углей в раскаленном сердце печи. На ее дверце, как заметил Мор, были вытиснены слова: «Малый Молох (запатентовано)».

Повар, казалось, его не замечал, поэтому Мор, придвинув стул, уселся за выскобленный до белизны стол.

– Грибы? – спросил старик, не оборачиваясь.

– А? Что?

– Грибов, спрашиваю, положить?

– Ой. Простите. Нет, благодарю, – сказал Мор.

– Как скажете, юный господин.

Он повернулся и направился к столу.

Даже впоследствии, уже пообвыкшись, Мор всегда задерживал дыхание, наблюдая за перемещениями Альберта. Слуга Смерти был из тех тощих как жердь красноносых стариков, которые всегда выглядят так, будто носят перчатки с отрезанными пальцами, даже если это неправда, а его походка представляла собой сложную последовательность телодвижений. Альберт склонялся вперед, и левая рука его начинала раскачиваться: сперва медленно, но затем все

быстрее и быстрее, пока наконец, когда стороннему наблюдателю начинало уже казаться, что она оторвется у локтя, безумное дерганое движение не передавалось всему телу до самых ног и не швыряло его вперед, будто на скоростных ходулях. Сковорода, описав в воздухе несколько замысловатых кривых, зависла над самой тарелкой Мора.

Альберт глядел на него поверх очков-полумесяцев, идеально подходящих для глядения поверх.

– А на второе можно кашки похлебать. – С этими словами он подмигнул, очевидно посвящая тем самым Мора в мировой кашеварный заговор.

– Простите, – заговорил Мор, – а где я нахожусь?

– Разве ты не знаешь? Это обитель Смерти, дружок. Он привез тебя сюда вчера вечером.

– Это я... вроде как припоминаю. Да вот только...

– Что?

– Ну как бы... Яичница с беконом. – Мор подбирал слова. – Она смотрится здесь как-то, ну, неуместно.

– У меня тут где-то завалилась кровавая колбаса, – предложил Альберт.

– Я не об этом... – Мор колебался. – Просто не могу себе представить, как *он* сидит тут и уплетает жареный бекон.

Альберт усмехнулся.

– Он и не уплетает, дружок. По крайней мере, обычно. Хозяина обслуживать очень просто. В основном я готовлю для себя самого... – он сделал паузу, – и для юной госпожи, разумеется.

Мор кивнул.

– Вашей дочери, – сказал он.

– Моей? Ха, – фыркнул Альберт. – Тут ты ошибаешься. Она его дочь.

Мор устался на яичницу-глазунью. Она тарасилась на него в ответ, плавая в своем масляном озерце. Альберт, конечно, слышал о пищевой ценности, но она была не из тех ценностей, которых он придерживался.

– А мы точно говорим об одной и той же персоне? – не унимался Мор. – Высокий, ходит в черном, малость... костлявый...

– Она приемная, – доброжелательно объяснил Альберт. – Долгая история... – У него над головой звякнул колокольчик. – ...которой придется подождать. Тебя в кабинет вызывают. На твоём месте я бы тут особо не рассиживался. Он не любит, когда его заставляют ждать. По понятным причинам. Вверх по лестнице, первая дверь налево. Самая заметная, не пропустишь...

– С узором из черепов и костей? – уточнил Мор, отодвигаясь от стола.

– Других здесь и не водится – ну, почти, – вздохнул Альберт. – Но это просто его блажь. Без всякого намека.

Бросив завтрак застывать, Мор пробежал по ступенькам и коридору и остановился перед дверью. И уже было занес руку, чтобы постучать.

– ВХОДИ.

Дверная ручка повернулась без его участия. Дверь распахнулась внутрь.

Смерть устроился за столом, уставившись в громадный, переплетенный в кожу фолиант размером чуть ли не больше самого стола. Когда Мор вошел, он поднял взгляд, отметив кальцифицированным пальцем, где остановился, и усмехнулся. Альтернативы у него не было.

– АГА, – сказал он и помедлил. Потом поскреб подбородок с таким звуком, будто кто-то провел ногтем по зубчикам расчески. – ТЫ КТО ТАКОЙ, ЮНОША?

– Мор, сэр, – отозвался Мор. – Ваш ученик. Помните?

Некоторое время Мор стоял под молчаливым взглядом Смерти. После чего ярко-голубые точки в глазницах снова обратились к тексту.

– АХ ДА. МОР. ЧТО ЖЕ, ЮНОША, ТЫ ВСЕРЬЕЗ НАМЕРЕН ПОСТИЧЬ САМЫЕ СОКРОВЕННЫЕ ТАЙНЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА?

– Да, сэр. Наверное, сэр.

– ХОРОШО. КОНЮШНИ – ЗА ДОМОМ. ЛОПАТА ВИСИТ СРАЗУ ЗА ДВЕРЬЮ.

Смерть опустил взгляд. Смерть поднял взгляд. Мор не шелохнулся.

– СКАЖИ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ ПОНЯЛ?

– Не до конца, сэр, – признался Мор.

– НАВОЗ, ЮНОША. НАВОЗ. У АЛЬБЕРТА В САДУ ЕСТЬ КОМПОСТНАЯ КУЧА. ПОЛАГАЮ, ГДЕ-ТО ДОЛЖНА БЫТЬ И ТАЧКА. ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ.

Мор обреченно кивнул.

– Да, сэр. Все ясно, сэр. Только...

– ЧТО ЕЩЕ?

– Сэр, что-то я не пойму, какая связь между навозом и тайнами времени и пространства.

Смерть не отрывался от книги.

– ВОТ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЭТО ПОНЯТЬ, – сказал он, – ТЫ ЗДЕСЬ И ОКАЗАЛСЯ.

* * *

Хотя Смерть Плоского мира и был, по собственному выражению, АНТРОПОМОРФНОЙ ПЕРСОНИФИКАЦИЕЙ, ему давно пришлось отказаться от использования традиционных лошадей-скелетов из-за необходимости делать постоянные остановки и приматывать проволокой отвалившиеся детали. Поэтому теперь Смерть выбирал лошадей исключительно из плоти и крови, лучших пород.

И кормили их щедро, как выяснил Мор.

Некоторые виды деятельности предполагают надбавки. Эта предполагала... скажем так, совсем обратное, но, по крайней мере, проходила в тепле и не требовала особых умений. Вскоре Мор выработал свой ритм и принялся играть сам с собой в маленькую математическую игру, в которую в подобных обстоятельствах играют все. «Итак, – думал Мор, – я продвинулся почти на четверть или, скажем, на треть, следовательно, когда я расчищу вот тот угол у яслей, получится больше половины, то есть пять восьмых, а значит, останется всего три ходки...» Популярность такой методики по большому счету ничего не доказывает, кроме того, что постичь величественную красоту Вселенной гораздо проще, если мысленно разделить ее на части.

Из стойла за Мором наблюдал жеребец, то и дело пытаясь по-свойски зажевать его волосы.

Спустя некоторое время Мор почувствовал на себе еще чей-то взгляд. Облокотившись на низкую дверцу и подперев голову руками, в конюшню заглядывала Изабель.

– Ты слуга? – спросила она.

Мор выпрямился.

– Нет, – ответил он. – Я ученик.

– Глупости какие. Альберт говорит, ты не можешь быть учеником.

Мор продолжал сосредоточенно махать лопатой, загружая тачку. «Еще две лопаты, даже три, если хорошенько утрамбовать; следовательно, остается всего четыре ходки, ладно, допустим, пять, и будет половина...»

– Он говорит, – Изабель повысила голос, – что со временем ученик вырастает в мастера, но больше одного Смерти быть не может. Так что ты всего лишь слуга и обязан выполнять мои приказания.

«...стало быть, через восемь тачек я доберусь до ворот, а это уже без малого две трети всего объема, и, следовательно...»

– Слышишь меня, мальчик?

Мор кивнул. «А потом еще четырнадцать тачек, ладно – пятнадцать, потому что нужно будет снова пройти в углу, и...»

– Ты что, язык проглотил?

– Мор, – негромко сказал Мор.

Изабель яростно уставилась на него.

– Что?

– Меня зовут Мор, – повторил Мор. – Или Мортимер. Но обычно меня называют Мор. Ты хотела о чем-то со мной поговорить?

Ненадолго она потеряла дар речи и лишь переводила взгляд с его лица на лопату и обратно.

– Только мне велели пошевеливаться, – добавил Мор.

Она взорвалась.

– Зачем ты вообще тут нужен? Зачем отец тебя сюда приволок?

– Меня выбрали на ярмарке по найму, – ответил Мор. – Все парни куда-то пристроились. И я тоже.

– А ты, значит, хочешь сюда пристроиться? – резко спросила она. – Он же Смерть, а не кто-нибудь. Мрачный Жнец. Важная персона. Таким невозможно *стать*, таким нужно *быть*.

Мор невнятно махнул рукой в сторону тачки.

– Думаю, все как-нибудь устроится само собой, – сказал он. – Мой отец говорит, обычно так и бывает.

Мор снова взялся за лопату и отвернулся от Изабель, а когда услышал ее недовольное фырканье и удаляющиеся шаги, ухмыльнулся, глядя на лошадиный круп.

Толкая тачку через двор к компостной куче под яблоней, Мор отработал все шестнадцатые и восьмые, все четверти и трети.

Сад у Смерти был большой, опрятный и ухоженный. И совершенно черный. Черная трава. Черные цветы. Черные яблоки бликовали среди черной листвы черной яблони. Даже воздух был какой-то чернильный.

Спустя некоторое время Мор у почудилось, будто он различает... хотя нет, это ведь уму непостижимо – различать... оттенки черного.

Не просто самые темные варианты красного, зеленого или любого другого цвета, а именно что оттенки черного. Целый спектр тонов, и все разные, но при этом все... ну, черные. Мор опрокинул последнюю тачку, поставил ее на место и вернулся в дом.

– ЗАХОДИ.

Смерть стоял за конторкой, изучая карту. Он отсутствующе взглянул на Мора.

– СЛЫХАЛ ЧТО-НИБУДЬ О ЗАЛИВЕ МЭЙНТ?

– Нет, сэр, – ответил Мор.

– МЕСТО ЗНАМЕНИТОГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ.

– Там корабль затонул?

– ЗАТОНЕТ, – поправил Смерть, – ЕСЛИ, КОНЕЧНО, Я ОТЫЩУ ЭТО ТРЕКЛЯТОЕ МЕСТО.

Мор обошел конторку и уставился на карту.

– Вы собираетесь пустить ко дну судно? – спросил он.

Смерть, похоже, ужаснулся:

– КОНЕЧНО ЖЕ, НЕТ. ВИНОВНО БУДЕТ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: БЕЗДАР-
НОЕ КОРАБЛЕВОЖДЕНИЕ, ОТМЕЛЬ И ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР.

– Вот беда, – расстроился Мор. – Много будет утопленников?

– ЭТО УЖ КАК РОК РАСПОРЯДИТСЯ. – Смерть повернулся к книжному шкафу и выудил увесистый географический справочник. – ОТ МЕНЯ ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ. ЧЕМ ЭТО ПАХНЕТ?

– Мной, – не стал юлить Мор.

– А. КОНЮШНЯ. – Повисла пауза; рука Смерти задержалась на книжном корешке. – КАК ПО-ТВОЕМУ, ЗАЧЕМ Я ОТПРАВИЛ ТЕБЯ НА КОНЮШНЮ? ПОДУМАЙ ХОРОШЕНЬКО.

Мор не спешил с ответом. В промежутках между подсчетами выгруженных тачек он уже пытался в этом разобраться. Предполагал, что задание должно развить его глазомер и координацию движений, или научить его послушанию, или донести до него важность выполнения незначительных, по человеческим меркам, задач, или внушить ему простую мысль: даже великие должны начинать со дна. Но ни одно из этих объяснений не выглядело однозначно верным.

– По-моему... – начал он.

– СЛУШАЮ.

– Ну, если честно, мне кажется, у вас просто была полная конюшня конского дерьма.

Смерть долго взирал на Мора. А тот беспокойно переминался с ноги на ногу.

– АБСОЛЮТНО ВЕРНО, – отчеканил Смерть. – ЯСНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ. ТРЕЗВЫЙ ПОДХОД. В НАШЕЙ РАБОТЕ БЕЗ ЭТОГО НЕ ОБОЙТИСЬ.

– Да, сэр. Можно спросить?

– М-М-М? – Смерть сражался с алфавитным указателем.

– Люди ведь умирают постоянно, правда, сэр? Миллионами. График у вас должен быть очень плотный. Но при этом...

Смерть посмотрел на Мора уже знакомым тому взглядом. Он начинался с чистого удивления, ненадолго смещался к раздражению, заскакивал пропустить стаканчик вместе с понижением и, наконец, останавливался на сдержанной терпеливости.

– НО ПРИ ЭТОМ?..

– Мне всегда казалось, что вы, как бы это сказать, не сидите на месте. Ну, вы понимаете. По улицам бродите. У бабули в календаре имеется ваш портрет – с косой и всем прочим.

– ПОНИМАЮ. БОЮСЬ, ЧТО ТРУДНО БУДЕТ ОБЪЯСНИТЬ ЭТО ЧЕЛОВЕКУ, НЕ ЗНАКОМОМУ С ПОНЯТИЯМИ ЦЕЛЕВОЙ ИНКАРНАЦИИ И УЗЛОВОЙ ФОКУСИРОВКИ. ТЫ ВЕДЬ С НИМИ НЕ ЗНАКОМ?

– Кажется, нет.

– КАК ПРАВИЛО, МОЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ ТРЕБУЕТСЯ ЛИШЬ В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ.

– Это как с королями, – сказал Мор. – В том смысле, что король правит всегда, даже когда занят чем-то другим или просто спит. Так ведь, сэр?

– БЛИЗКО, – кивнул Смерть, сворачивая карты. – А ТЕПЕРЬ, ЮНОША, ЕСЛИ С КОНЮШНЕЙ ТЫ РАЗОБРАЛСЯ, СХОДИ УЗНАЙ, НЕ НАЙДЕТСЯ ЛИ У АЛЬБЕРТА ДЛЯ ТЕБЯ ДЕЛ. А ВЕЧЕРОМ, ЕСЛИ ЗАХОЧЕШЬ, МОЖЕШЬ ОТПРАВИТЬСЯ СО МНОЙ НА РАБОТУ.

Мор кивнул. Смерть вернулся к фолианту в кожаном переплете, взял перо, задумался на мгновение, а потом вновь поднял взгляд на Мора, склонив череп набок.

– ТЫ УСПЕЛ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С МОЕЙ ДОЧЕРЬЮ?

– Э-э. Да, сэр, – ответил Мор, уже взявшись за дверную ручку.

– ОНА ОЧЕНЬ СЛАВНАЯ ДЕВУШКА, – сказал Смерть, – НО, ПО-МОЕМУ, ЕЙ НЕ ХВАТАЕТ ОБЩЕНИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ.

– Простите, сэр?

– САМО СОБОЙ, ОДНАЖДЫ ОНА УНАСЛЕДУЕТ ВСЕ ЭТО.

В глубинах его глазниц вспыхнуло что-то похожее на маленькую голубую сверхновую. До Мора вдруг дошло, что Смерть неловко и неумело пытался ему подмигнуть.

* * *

В краю, который неподвластен пространству и времени, который не значится ни на одной карте, который существует лишь на той далекой окраине множественной вселенной, что известна лишь некоторым увлекающимся сильными галлюциногенами астрофизикам, Мор провел остаток дня, помогая Альберту пикировать саженцы брокколи. Черные, с пунцовыми прожилками.

– Он старается, ты пойми, – говорил Альберт, орудуя тяпкой. – Просто на цвета фантазии не хватает.

– Не уверен, что понимаю, – признался Мор. – Вы говорите, что все это он *сотворил*?

За садовой оградой земля уходила в глубокую долину, откуда выныривала мрачной вересковой пустошью, которая тянулась до пиков на горизонте, острых, будто кошачьи клыки.

– Ага, – ответил Альберт. – За лейкой своей следи.

– А что же здесь было раньше?

– Понятия не имею, – сказал Альберт, переходя к следующему ряду лунок. – Небесная, надо полагать, твердь. Так по-умному кличут голое ничего. По правде говоря, работа выполнена довольно топорно. Нет, сад еще более-менее, но горы – чистой воды халтура. Стоит подойти поближе, как они расплываются. Я однажды проверил.

Мор прищурился, вглядываясь в растущие неподалеку деревья. С виду – похвально прочные.

– Зачем ему все это? – спросил он.

Альберт фыркнул:

– Знаешь, что бывает с теми, кто задает слишком много вопросов?

Мор на мгновение задумался.

– Нет, – признался он наконец, – и что же?

Воцарилось молчание.

Затем Альберт разогнул спину и ответил:

– Будь я проклят, если знаю. Видимо, получают ответы – и поделом.

– Он сказал, что вечером я могу поехать с ним, – поделился Мор.

– Везунчик ты, выходит, – туманно проговорил Альберт, направляясь обратно к дому.

– Значит, он и *правда* тут все создал? – уточнил Мор, следуя за ним по пятам.

– Да.

– Для чего?

– Наверное, захотелось обустроить такое местечко, где можно чувствовать себя как дома.

– Альберт, а вы мертвы?

– Я-то? Разве я похож на покойника? – Под долгим испытующим взглядом Мора старик хмыкнул. – Ты это брось. Я живехонек, как и ты. А может, и живет некоторых буду.

– Извините.

– То-то же. – Толкнув дверь черного хода, Альберт с самым благодушным видом, на какой был способен, обернулся к Морю.

– От подобных расспросов лучше воздерживаться, – посоветовал он, – не стоит людей огорчать. Ну, как насчет яичницы с беконом?

Когда Мор с Альбертом играли в домино, снова зазвенел колокольчик. Мор встрепнулся.

– Конь ему нужен, – объяснил Альберт. – Идем.

В сгущающихся сумерках они отправились на конюшню, и старик на глазах у Мора принялся седлать жеребца Смерти.

– Его зовут Бинки, – сказал Альберт, затягивая подпругу. – По нему и не скажешь, верно? Бинки любовно пожевывал его шарф.

Мору вспомнилась гравюра из бабушкиного календаря: между сведениями о начале посевной и о лунных фазах имелась страница с изображением Смерти – Великого Уравнителя Всего Рода Человеческого. Обучаясь грамоте, Мор сотни раз вглядывался в эту иллюстрацию. Она не была бы и вполтину столь впечатляющей, откройся миру тот факт, что огнедышащий скакун, на котором восседает фантом, носит имя Бинки.

– Я б назвал его Клыкком, Клинком или Ониксом, – продолжал Альберт, – но у хозяина, видишь ли, свои причуды. Сгораешь от нетерпения, как я понимаю?

– Вроде того, – неуверенно ответил Мор. – Никогда не видел Смерть в деле.

– Мало кто видел, – сказал Альберт. – Дважды, по крайней мере.

Мор сделал глубокий вдох.

– А вот насчет его дочери... – начал он.

– А-А. ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, АЛЬБЕРТ И ЮНОША.

– Мор, – машинально поправил Мор.

На входе в конюшню Смерти пришлось склонить голову, чтобы не удариться лбом о прилодку. Альберт кивнул – как отметил для себя Мор, безо всякого раболепия, просто из вежливости. Во время редких поездок в город с отцом Мор пару раз встречал слуг, и Альберт на них совершенно не походил. Он вел себя так, будто на самом деле дом принадлежал ему, а Смерть был не более чем временным гостем, которого следовало терпеть, как облезлую краску или обосновавшихся в нужнике пауков. Смерть не возражал, словно они с Альбертом давным-давно сказали друг другу все, что нужно было сказать, и теперь могли не сотрясать воздух, а мирно заниматься каждый своим делом. Мор же ощущал себя как на прогулке после кошмарной грозы: в воздухе веет свежестью, ничего особо неприятного не происходит, но при этом чувствуется, что недавно здесь бушевали могучие силы.

Разузнать, что представляет собой Альберт... Мор дополнил список запланированных дел еще одним пунктом.

– ПОДЕРЖИ-КА.

Смерть всунул косу в руки Мора и вскочил на Бинки. Коса выглядела совершенно обычной, если не считать лезвия: оно было таким тонким, что Мор мог сквозь него видеть, бледно-синим мерцанием в воздухе, способным рассекать пламя и резать звук. Поэтому косу Мор держал со всей осторожностью.

– ЛАДНО, ЮНОША. ЗАПРЫГИВАЙ. АЛЬБЕРТ, МОЖЕШЬ НАС НЕ ЖДАТЬ.

Конь рысью выбежал со двора и взмыл в небо.

Следовало бы ожидать какой-нибудь вспышки или звездопада. Следовало бы ожидать вихрей и разрывающихся потоков света – ведь обычные межпространственные гиперскачки без такого не обходятся. Но Смерть в совершенстве владел искусством перемещаться без показных эффектов и скользил меж измерений так же легко, как просачивался сквозь наглухо закрытые двери; легким галопом они двигались через облачные каньоны мимо исполинских клубящихся тучевых хребтов, пока дымка внизу не рассеялась и не показался Диск, нежащийся в солнечных лучах.

– ЭТО ПОТОМУ, ЧТО ВРЕМЯ ПОДАТЛИВО, – пояснил Смерть, когда Мор спросил насчет солнца. – ОНО НЕ ИМЕЕТ БОЛЬШОГО ЗНАЧЕНИЯ.

– А я всегда думал, что имеет.

– ЛЮДИ СКЛОННЫ ПРИПИСЫВАТЬ ЕМУ БОЛЬШУЮ ЗНАЧИМОСТЬ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО САМИ ИЗОБРЕЛИ ЕГО, – мрачно ответил Смерть. Мору это показалось банальностью, но вступать в дискуссию он не стал.

– Чем мы теперь займемся? – поинтересовался он.

– ЕСТЬ МНОГООБЕЩАЮЩАЯ ВОЙНА В КЛАТЧИСТАНЕ, – ответил Смерть. – ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО ВСПЫШЕК ЧУМЫ. И ОДНО ДОВОЛЬНО ГРОМКООЕ УБИЙСТВО, ЕСЛИ ТЕБЕ ЭТО БОЛЬШЕ ПО ДУШЕ.

– Что, убийство?

– И НЕ КОГО-НИБУДЬ, А КОРОЛЯ.

– А, короли... – протянул Мор. О королях он кое-что знал. Раз в году в Овцекряжье навещалась труппа странствующих, а точнее сказать, бродяжничающих лицедеев, чьи представления всегда были на одну и ту же тему – о королях. Короли вечно убивали других королей или же умирали сами. Сюжеты были весьма запутанными – с недоразумениями, ядами, сражениями, потерянными в детстве сыновьями, привидениями, ведьмами и, как правило, избытком кинжалов. Сомнений не возникало: жизнь короля – это тебе не фунт изюму; тем удивительнее было наблюдать стремление доброй половины персонажей взойти на трон. О жизни королевского двора у Мора сложились несколько туманные представления, но он уверовал, что спать там не приходится.

– А мне бы хотелось увидеть настоящего короля, – сказал он. – Бабушка говорила, короли никогда корону не снимают. Даже в нужнике.

Смерть глубоко задумался.

– С ТЕХНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕ ВИЖУ ПРЕПЯТСТВИЙ, – признал он. – ОДНАКО МОЙ ОПЫТ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЭТО СКОРЕЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ.

Жеребец сменил курс; под ними с молниеносной скоростью мелькала огромная и плоская шахматная доска долины Сто. Благодатная земля с плодородными почвами, бескрайними капустными полями и маленькими, аккуратными королевствами, чьи границы змейками извивались под воздействием коротких, чисто номинальных междоусобиц, брачных союзов, запутанных альянсов, а порой и картографических ляпов, менявших политический ландшафт здешних мест.

– Этот король, – заговорил Мор, глядя на проносящийся внизу лес, – он добрый или злой?

– ДЛЯ МЕНЯ – ВОПРОС НЕПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ. НАДО ПОЛАГАТЬ, НЕ ХУЖЕ ЛЮБОГО ДРУГОГО КОРОЛЯ.

– Он приговаривает людей к смерти? – спросил Мор, но спохватился и добавил: – Я не о вас, конечно.

– ПОРОЙ. КОГДА ТЫ КОРОЛЬ, НЕКОТОРЫХ ВЕЩЕЙ ТЕБЕ НЕ ИЗБЕЖАТЬ.

Под ними проплывал город, теснящийся вокруг замка, который был выстроен на скале, геологическим прыщом выпирающей из земли. Смерть рассказал, что эту глыбу, отколовшуюся от далекого массива Овцепикских гор, принесли сюда отступавшие льды – еще в ту легендарную пору, когда Ледяные Великаны развязали войну против богов и ездили по земле верхом на своих ледниках, желая заморозить весь мир. Но в конце концов они отказались от этих планов и погнали свои сверкающие табуны обратно в земли, сокрытые среди островерхих гор близ Пуа. Никто из жителей долин не знал, почему они так поступили; по мнению молодежи Сто Лата – города вокруг этой скалы, – причиной была царящая в здешних краях мертвецкая скука.

Бинки опустился на вымощенную каменными плитами площадку самой высокой башни замка. Смерть спешил и велел Морю заняться торбой.

– Думаете, никто не заметит тут коня? – усомнился Мор на подходе к винтовой лестнице. Смерть покачал головой.

– А ТЫ БЫ ПОВЕРИЛ, ЧТО НА ВЕРШИНЕ БАШНИ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ КОНЬ? – спросил он.

– Нет. По такой лестнице коня наверх не затащишь, – ответил Мор.

– А ЗНАЧИТ?..

– А, понял. Никто не хочет видеть того, чего быть не может.

– В ТОЧКУ.

Теперь они двигались по увешанному гобеленами широкому коридору. Смерть полез за пазуху, выудил оттуда песочные часы и всмотрелся в них при тусклом свете.

Часы были сработаны с особым изяществом: граненые колбы с причудливым вытравленным узором были заключены в деревянный, инкрустированный бронзой корпус. Глубокая гравировка гласила: «Король Олерв Бастард».

Песок таинственно поблескивал. В верхней колбе оставались считанные песчинки.

Смерть что-то пробормотал себе под нос и убрал часы обратно в загадочные глубины одеяния.

Мор со Смертью завернули за угол и врезались в стену звука. Они очутились в переполненном гостями зале; пелена дыма и рокота голосов поднималась под самые своды, в тени которых таились флаги. На внутреннем балконе трио менестрелей старательно и безуспешно пыталось завладеть вниманием публики.

Появление Смерти особого ажиотажа не вызвало. Лакей в дверях обернулся к ним, собрался было что-то сказать, но отвлекся, нахмурился и снова задумался о своем. Несколько придворных взглянули в их сторону, и глаза их остекленели, когда чувство самосохранения побороло остальные пять.

– У НАС ЕСТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МИНУТ. – Смерть подхватил бокал с подноса. – ДАВАЙ-КА СМЕШАЕМСЯ С ТОЛПОЙ.

– Меня здесь тоже не видят! – заметил Мор. – Но я-то реально существую!

– РЕАЛЬНОСТЬ НЕ ВСЕГДА ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ, – ответил Смерть. – ВПРОЧЕМ, РАЗ УЖ ЗДЕСЬ НЕ ЖЕЛАЮТ ВИДЕТЬ МЕНЯ, ТО ТЕБЯ И ПОДАВНО. ЭТО АРИСТОКРАТЫ, ЮНОША. В ИСКУССТВЕ НИЧЕГО НЕ ЗАМЕЧАТЬ ИМ НЕТ РАВНЫХ. НЕ ПОЙМУ, К ЧЕМУ В МОЕМ КОКТЕЙЛЕ ЭТА ВИШЕНКА НА ПАЛОЧКЕ?

– Мор, – машинально поправил Мор.

– ОНА ВЕДЬ НЕ ДОБАВЛЯЕТ НИКАКОГО ВКУСА. ТАК ЗАЧЕМ КОМУ-ТО ЗАПУСКАТЬ В ОТМЕННЫЙ КОКТЕЙЛЬ ЭТУ ВИШЕНКУ НА ПАЛОЧКЕ?

– А дальше что будет? – На этих словах в его локоть врезался пожилой граф, обвел взглядом всех окружающих, кроме Мора, пожал плечами и удалился.

– ИЛИ ВЗЯТЬ ВОТ ЭТИ ШТУКИ. – Смерть пощупал тарталетки, которые пронесли мимо. – ВСЕ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ НЕПЛОХО: И ГРИБЫ, И КУРЯТИНА, И СЛИВКИ, – Я НЕ ПРОТИВ, ЭТИ ПРОДУКТЫ ИМЕЮТ ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ, НО ЗАЧЕМ, ВО ИМЯ ЗДРАВОГО СМЫСЛА, ПЕРЕМАЛЫВАТЬ ИХ В ТРУХУ И ЗАТАЛКИВАТЬ В КОРЗИНОЧКИ ИЗ ТЕСТА?

– Что, простите? – не уловил Мор.

– В ЭТОМ ВЕСЬ ЧЕЛОВЕК, – продолжал Смерть. – ЕМУ НА ЗЕМЛЕ ОТМЕРЕНО ТАК МАЛО ЛЕТ, А ОН РАСТРАЧИВАЕТ ИХ НА УСЛОЖНЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. ПОРАЗИТЕЛЬНО. ПОПРОБУЙ КОРНИШОН.

– А где король? – спросил Мор, вытягивая шею и глядя поверх голов.

– ВОН ТОТ, У КОТОРОГО ЗОЛОТИСТАЯ БОРОДА. – Разносчик напитков обернулся, почувствовав хлопок по плечу; пока он растерянно озирался по сторонам, с его подноса ускользнул очередной коктейль.

Взгляд Мора блуждал по залу и в конце концов отыскал стоявшего в окружении свиты человека, который слегка склонил голову, внимая речам коротышки-сановника. Король, рослый, грузный, хранил невозмутимое, терпеливое выражение лица: будь такое у продавца, вы бы у него и старую клячу купили с радостью.

– Он не похож на *злого* короля, – заключил Мор. – Кому понадобилось его убивать?

– ВИДИШЬ МУЖЧИНУ, ЧТО СТОИТ РЯДОМ? С ТОНКИМИ УСИКАМИ И УХМЫЛКОЙ КАК У ЯЩЕРИЦЫ? – Смерть указал на него косой.

– Да.

– КУЗЕН КОРОЛЯ, ГЕРЦОГ СТО ГЕЛИТСКИЙ. НЕ САМЫЙ ПРИЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ЗНАЕТ, КАК ОБРАЩАТЬСЯ С ПУЗЫРЬКОМ ЯДА. ГОД НАЗАД БЫЛ ПЯТЫМ В ОЧЕРЕДИ НА ПРЕСТОЛ, А СЕЙЧАС – УЖЕ ВТОРОЙ. СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЕ, ТАК СКАЗАТЬ. – Смерть вновь покопался в балахоне и выудил часы, в которых за решеткой из шипастого железа струился черный песок. Встряхнул их на пробу. – И ОСТАЛОСЬ ЕМУ ЕЩЕ ЛЕТ ТРИДЦАТЬ – ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ, – вздохнул Смерть.

– Он только и делает, что убивает направо и налево? – Мор сокрушенно покачал головой. – Нет в жизни справедливости.

Смерть снова вздохнул.

– НЕТ. – Он вручил пустой бокал проходящему мимо пажу, который с изумлением уставился на неизвестно откуда появившуюся посуду. – ЕСТЬ ТОЛЬКО Я.

Он извлек из ножен меч с таким же льдисто-голубым, тонким, словно тень, лезвием, как у косы, и шагнул вперед.

– А я думал, вы косой работаете, – прошептал Мор.

– КОРОЛЮ ПОЛОЖЕН МЕЧ, – пояснил Смерть. – ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ, КАК ЕЕ ТАМ, ПРЕРОГАТИВА ВЕНЦЕНОСНЫХ ОСОБ.

Костяные пальцы его свободной руки снова нырнули под балахон и вытащили оттуда песочные часы короля Олерва. К горловине скатывались последние песчинки.

– СМОТРИ В ОБА, – предупредил Смерть. – ПОТОМ БУДЕТ ЭКЗАМЕН.

– Постойте, – жалким голосом попросил Мор. – Это же несправедливо. Разве нельзя ему помешать?

– НЕСПРАВЕДЛИВО? – отозвался Смерть. – А ПРИ ЧЕМ ТУТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

– Ну, я к тому, что, если этот второй такой...

– ПОСЛУШАЙ, – прервал его Смерть, – СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТУТ ВООБЩЕ НИ ПРИ ЧЕМ. ТЫ ДОЛЖЕН СОХРАНЯТЬ НЕЙТРАЛИТЕТ. ЗАРУБИ СЕБЕ НА НОСУ. ЕСЛИ ВРЕМЯ НАСТАЛО – ЗНАЧИТ, ОНО НАСТАЛО. ВОТ И ВСЕ, ЮНОША.

– Мор, – простонал Мор, оглядывая толпу.

Тогда-то он ее и увидел. Толпа разошлась на миг, и Мор заметил стройную рыжеволосую девушку, сидящую позади короля в окружении немолодых матрон. Ее нельзя было назвать такой уж красивой из-за переизбытка веснушек и, откровенно говоря, излишней худобы. Но один вид ее вызвал потрясение, которое оседлало мозг Мора и, гнусно хохоча, угнало его куда-то в низ живота.

– ПОРА. – Смерть пихнул Мора острым локтем. – СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ.

Он направился к королю, взвешивая в руке меч. Моргнув, Мор двинулся следом. Девушка на секунду встретилась с ним взглядом и тут же отвела глаза – а потом стала медленно поворачивать голову обратно, в ужасе распахивая рот.

Решимость Мора истаяла. Он со всех ног бросился к королю, крича:

– Берегитесь! Вы в опасности!

И мир сделался вязким, как патока. Пространство заполнили сине-пурпурные тени, как галлюцинации при тепловом ударе, а звуки начали стихать, так что в конце концов рев толпы сделался далеким и скрипучим, как музыка, доносящаяся из чужих наушников. Мор заметил, что Смерть, по-свойски вставший рядом с королем, не спускает глаз...

...с балкона для музыкантов.

Мор увидел стрелка, увидел арбалет, а затем и болт, который теперь плыл сквозь воздух со скоростью недужной улитки. Но каким бы он ни был медленным, Мору оказалось не под силу его обогнать. Миновала целая вечность, прежде чем налитые свинцом ноги начали откли-

катся на команды своего хозяина, но он наконец смог оттолкнуться ими от пола и полететь со всей стремительностью континентального дрейфа.

Вяло барахтаясь в воздухе, он услышал беззлобный голос Смерти:

– У ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ. ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ ПОМОЧЬ ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО, НО У ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Словно во сне, Мор плыл сквозь безмолвный мир...

Болт достиг цели. Смерть взмахнул мечом, и тот плавно прошел сквозь шею короля, не оставив никаких следов. Мору, который медленно вращался по спирали в пространстве сумеречного мира, показалось, будто впереди упал какой-то призрачный силуэт.

Это явно был не король, ведь тот так и стоял, глядя в глаза Смерти с выражением крайнего удивления. У его ног лежало темное *нечто*, а где-то вдали раздавались крики и вопли.

– ЧИСТО СРАБОТАНО, – заметил Смерть. – ОБЫЧНО С КОРОЛЕВСКИМИ ОСОБАМИ ОДНА МОРОКА. ЦЕПЛЯЮТСЯ ЗА ЖИЗНЬ. ТО ЛИ ДЕЛО КРЕСТЬЯНИН: ДОЖДАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ МОЕГО ВИЗИТА.

– Кто ты такой, черт возьми? – заговорил король. – Что ты здесь делаешь? А? Стража! Я приказы...

Настойчивые сигналы глаз наконец достигли его мозга. Мор впечатлился. Король Олерв провел на троне немало лет и даже после смерти не разучился себя держать.

– О, – сказал он. – Понятно. Не ожидал столь скорого свидания.

– ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! – Смерть поклонился. – ЕГО МАЛО КТО ОЖИДАЕТ.

Король огляделся по сторонам. В сумрачном, затянутом дымкой мире было тихо, но снаружи, судя по всему, царил суматоха.

– Это ведь я там лежу?

– БОЮСЬ, ЧТО ТАК, СИР.

– Ювелирная работа. Арбалет, не иначе?

– ДА. А ТЕПЕРЬ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, НЕ БУДЕТЕ ЛИ ВЫ СТОЛЬ ЛЮБЕЗНЫ...

– Кто стрелял? – спросил король. Повисла пауза.

– НАЕМНЫЙ УБИЙЦА ИЗ АНК-МОРПОРКА.

– Так-так. Хитро. Мои поздравления Сто Гелитскому. А я-то налегал на противоядия. Но от холодной стали противоядия нет, верно? Верно?

– БЕЗУСЛОВНО, СИР.

– Трюк старый как мир: веревочная лестница и резвый скакун у подъемного моста, я прав?

– СУДЯ ПО ВСЕМУ, ДА, СИР. – Смерть деликатно подхватил тень короля под локоть. – НО, В КАЧЕСТВЕ УТЕШЕНИЯ, МОГУ ЗАВЕРИТЬ: ЭТОТ СКАКУН НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ РЕЗВЫМ.

– То есть?

Застывшая ухмылка Смерти стала чуть шире.

– ЗАВТРА У МЕНЯ НАЗНАЧЕНА ВСТРЕЧА С НАЕЗДНИКОМ В АНКЕ. ВИДИТЕ ЛИ, ГЕРЦОГ СНАБДИЛ ЕГО ЕДОЙ В ДОРОГУ.

Сообразительность у короля хромала, что, впрочем, только подтверждало его соответствие занимаемой должности; на какое-то время он погрузился в раздумья, а потом хохотнул. И лишь теперь заметил Мора.

– А это кто? – спросил он. – Тоже покойник?

– МОЙ УЧЕНИК, – пояснил Смерть. – КОТОРОМУ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ СВЕТИТ СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР, ОБОЛТУСУ.

– Мор, – машинально вставил Мор. Отстраненно воспринимая их разговор, он не мог оторваться от происходящего вокруг. Он ощущал себя настоящим. Смерть казался вполне материальным. Король и вовсе выглядел на удивление живым и здоровым, учитывая обстоятельства.

А вот остальной мир превратился в мешанину скользящих теней. Какие-то силуэты склонялись над бессильно распластанным телом и проходили сквозь Мора, не более осязаемые, чем туман.

Заливалась слезами рухнувшая на колени девушка.

– Это моя дочь, – сообщил король. – Мне ведь должно быть грустно. Почему же это не так?

– ЧУВСТВА ОСТАЮТСЯ В ПРОШЛОМ. ВМЕСТЕ С ЖЕЛЕЗАМИ.

– Вот оно что. Да, наверное, так и есть. Она ведь нас не видит, правда?

– ПРАВДА.

– Полагаю, нет никакой лазейки, чтобы...

– НИКАКОЙ.

– Ей ведь королевой быть, и если бы я только мог сообщить...

– СОЖАЛЕЮ.

Запрокинув голову, девушка глядела сквозь Мора. У него на глазах герцог, возникший за ее спиной, утешительно опустил ладонь ей на плечо. Губы его тронула легкая улыбка. Такую улыбку обычно можно увидеть поджидающей беспечных купальщиков на песчаных отмелях.

Ты не можешь меня услышать, сказал девушке Мор. Но не доверяй ему!

Она, сощурившись, смотрела на него. Мор потянулся к ней, и его ладонь прошла сквозь ее руку.

– ПОЙДЕМ, ЮНОША. ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ.

Мор почувствовал, как рука Смерти беззлобно сжала его плечо. Скрепя сердце он развернулся, чтобы последовать за Смертью и королем.

Они вышли из зала сквозь стену. На полпути Мор вдруг осознал, что хождение сквозь стены невозможно.

Эта самоубийственная логика чуть не стоила ему жизни. Каменные плиты уже холодили ему конечности, когда в голове раздался голос:

– ПОСМОТРИ НА ЭТО ПОД ДРУГИМ УГЛОМ. НИКАКОЙ СТЕНЫ ЗДЕСЬ НЕТ, ИНАЧЕ ТЫ НЕ МОГ БЫ ЧЕРЕЗ НЕЕ ПРОЙТИ. НЕ ТАК ЛИ, ЮНОША?

– Мор, – отозвался Мор.

– ЧТО?

– Меня зовут Мор. Или Мортимер, – сердито сообщил Мор, проталкиваясь вперед. Холод остался позади.

– НУ, ВОТ ВИДИШЬ? СУЩИЕ ПУСТЯКИ, ПРАВДА?

Мор оглядел коридор и похлопал по стене, проверяя ее на прочность. Он вроде как прошел сквозь нее, но теперь она казалась вполне твердой. Мелкие блески слюды подмигивали ему.

– Как у вас это получается? – спросил он. – А у меня как? Это что, магия?

– ЭТО ЧТО УГОДНО, НО ТОЛЬКО НЕ МАГИЯ, ЮНОША. КОГДА НАУЧИШЬСЯ ДЕЛАТЬ ЭТО САМОСТОЯТЕЛЬНО, МНЕ БОЛЬШЕ НЕЧЕМУ БУДЕТ ТЕБЯ УЧИТЬ.

Король, становящийся все более размытым, заметил:

– Впечатляюще, ничего не скажешь. К слову, я, судя по всему, начинаю растворяться.

– ДА, ВАШЕ МОРФОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОСЛАБЕВАЕТ.

Голос короля понизился до шепота:

– Ах вот, значит, что это такое?

– ТАК БЫВАЕТ СО ВСЕМИ. ПОСТАРАЙТЕСЬ ПОЛУЧИТЬ ОТ ЭТОГО УДОВОЛЬСТВИЕ.

– Как?

Голос короля тенью плыл по воздуху.

– ПРОСТО БУДЬТЕ СОБОЙ.

Тут король схлопнулся: он становился все меньше и меньше, и наконец его поле обратилось в крошечную яркую искорку. Превращение закончилось столь быстро, что Мор чуть было его не пропустил. За долю секунды – из призрака в пылинку под шелест слабого вздоха.

Сияющая точка, бережно пойманная Смертью, отправилась куда-то под балахон.

– Что с ним произошло? – спросил Мор.

– ОН ОДИН ЗНАЕТ. ПОЙДЕМ.

– Бабушка говорит: умереть – что уснуть, – добавил Мор с забрезжившей надеждой.

– НЕ ЗНАЮ. НЕ ДОВЕЛОСЬ ИСПЫТАТЬ НИ ТОГО НИ ДРУГОГО.

В последний раз Мор окинул взглядом коридор. Массивные двери распахнулись, и из зала хлынули придворные. Две пожилые дуэньи пытались утешить принцессу, но она решительно шагала вперед, и они подпрыгивали позади нее, как пара суетливых воздушных шариков. Очень скоро вся троица свернула в другой коридор.

– УЖЕ КОРОЛЕВА, – одобрительно заметил Смерть. Ему всегда импонировал стиль.

Разговор между Смертью и Мором продолжился только на башне.

– ТЫ ПЫТАЛСЯ ЕГО ПРЕДУПРЕДИТЬ, – сказал Смерть, убирая торбу Бинки.

– Да, сэр. Простите.

– ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ЧИНИТЬ ПРЕПЯТСТВИЯ СУДЬБЕ. КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ РЕШАТЬ, КОМУ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ, А КОМУ УМЕРЕТЬ?

Смерть неотрывно следил за выражением его лица.

– ТОЛЬКО БОГИ ИМЕЮТ НА ЭТО ПРАВО, – добавил он. – ЛЮБЫЕ ИГРЫ ДАЖЕ С ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СУДЬБОЙ МОГУТ ПОГУБИТЬ ВЕСЬ МИР. ТЫ ПОНЯЛ?

Мор уныло кивнул.

– Вы отправите меня восвояси? – спросил он.

Смерть втащил Мора на круп Бинки, позади седла.

– ИЗ-ЗА ПРОЯВЛЕННОГО МИЛОСЕРДИЯ? НИКОГДА. ВОТ ЕСЛИ БЫ Я УВИДЕЛ, ЧТО ТЫ ЭТИМ НАСЛАЖДАЕШЬСЯ, ТОГДА ДРУГОЕ ДЕЛО. НО ТЫ ДОЛЖЕН ОВЛАДЕТЬ ТОЙ РАЗНОВИДНОСТЬЮ МИЛОСЕРДИЯ, ЧТО ПОДОБАЕТ ТВОЕМУ РЕМЕСЛУ.

– И в чем же она заключается?

– В ОСТРОТЕ КЛИНКА.

* * *

Дни сменяли друг друга, но Мор не знал наверняка, сколько прошло времени. Хмурое солнце мира Смерти регулярно прокатывалось по небу, но визиты в царство смертных как будто не подчинялись строгому расписанию. Личного присутствия Смерти заслуживали не только монаршие особы и знаменательные битвы; в большинстве случаев этой чести удостоивались простые люди.

Альберт подавал на стол, постоянно улыбаясь себе под нос и чаще всего молча. Изабель в основном оставалась в своих покоях или же объезжала верхом на пони черные вересковые пустоши за домом. Со стороны вид ее фигуры со струящимися на ветру волосами был бы куда более впечатляющим, если бы она была лучшей наездницей, пони был бы покрупнее, а волосы ее струились бы естественно. Волосам некоторых людей это дано, а некоторых – нет. Волосам Изабель это было не дано.

Когда Мора не привлекали к исполнению того, что Смерть именовал ДОЛГОМ, он помогал Альберту, занимался садом или конюшней или пропадал в обширной библиотеке Смерти, с невероятной скоростью поглощая все подряд без разбора, как свойственно тем, кто впервые открывает для себя магию письменного слова.

Основу библиотеки составляли, разумеется, биографии.

Они имели одну характерную особенность. Они писали себя сами. Книги умерших, ясное дело, были заполнены от начала и до конца, а еще не родившиеся довольствовались пустыми страницами. Те же, кто пребывал в промежуточном состоянии... Отмечая то место, где кончался текст, и считая появившиеся впоследствии строки, Мор выяснил, что некоторые книги обновляются со скоростью четыре-пять абзацев в сутки. Почерк был ему незнаком.

Однажды он все-таки набрался храбрости.

– ЧТО ТЕБЕ НУЖНО? – изумленно спросил сидящий за резным столом Смерть, крутя в руках нож для бумаг в форме косы.

– Отгул, – повторил Мор. Комната начала угнетать его своими габаритами, а сам он, стоя посреди ковра размером с поле, чувствовал себя совершенно беззащитным.

– ЗАЧЕМ? – спросил Смерть. – К БАБУШКЕ НА ПОХОРОНЫ ТЕБЕ ТОЧНО НЕ НУЖНО. Я БЫ ЗНАЛ.

– Просто хочется, ну, это, прогуляться, познакомиться с новыми людьми, – объяснил Мор, стараясь держаться уверенно под немигающим синим взглядом.

– НО ТЫ И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЗНАКОМИШЬСЯ С НОВЫМИ ЛЮДЬМИ, – возразил Смерть.

– Да, я знаю, просто, ну, все как-то быстро заканчивается, – сказал Мор. – В смысле неплохо было бы пообщаться с теми, кому осталось пребывать на этом свете дольше пары минут. Сэр, – добавил он.

Смерть побарабанил пальцами по столу – звук смахивал на мышиную чечетку – и вновь смерил Мора пристальным взглядом. Он заметил, что в юноше как будто бы стало меньше локтей, держится он попрямее, а кроме того, научился использовать слова вроде «пребывать». Спасибо библиотеке.

– ЛАДНО, – проворчал он. – ХОТЯ МНЕ И КАЖЕТСЯ, ЧТО ЗДЕСЬ У ТЕБЯ ЕСТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ. ВЕДЬ НАШ ДОЛГ ТЕБЕ НЕ В ТЯГОСТЬ, ПРАВДА?

– Нет, сэр.

– ТЕБЯ ХОРОШО КОРМЯТ, У ТЕБЯ ЕСТЬ ТЕПЛАЯ ПОСТЕЛЬ, СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, А ТАКЖЕ ОБЩЕНИЕ С РОВЕСНИКАМИ.

– С ровесниками, сэр? – переспросил Мор.

– Я ГОВОРЮ О МОЕЙ ДОЧЕРИ. КАЖЕТСЯ, ВЫ С НЕЙ ЗНАКОМЫ.

– О. Да, сэр.

– В НЕЙ МНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕПЛА, СТОИТ ТОЛЬКО ПОБЛИЖЕ ЕЕ УЗНАТЬ.

– Не сомневаюсь, сэр.

– И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТЫ ПРОСИШЬ ДАТЬ ТЕБЕ, – заключительное слово Смерть произнес с оттенком гадливости, – ОТГУЛ?

– Да, сэр. С вашего позволения, сэр.

– ЧТО Ж, ХОРОШО. ДА БУДЕТ ТАК. У ТЕБЯ ЕСТЬ ВРЕМЯ ДО ЗАХОДА СОЛНЦА.

Смерть раскрыл увесистую книгу учета и, вооружившись пером, вернулся к записям. Время от времени он прерывался, чтобы пощелкать на счетах.

Через минуту он поднял взгляд.

– ТЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ, – отметил он. И кисло добавил: – ХОТЯ ВРЕМЯ ПОШЛО.

– Э-э, – замялся Мор, – а окружающие смогут меня видеть, сэр?

– НАДО ПОЛАГАТЬ, ДА, – ответил Смерть. – ЧЕМ ЕЩЕ Я МОГУ ТЕБЕ ПОМОЧЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЫ УЙДЕШЬ В ЗАГУЛ?

– Ну, сэр, есть кое-что, сэр, я, кажется, не знаю, как добраться до мира смертных, сэр, – в отчаянии забормотал Мор.

С глубоким вздохом Смерть выдвинул ящик стола.

– НА СВОИХ ДВОИХ.

Мор понуро кивнул и поплелся к двери. Потянув за ручку, он услышал покашливание Смерти.

– ЮНОША! – Смерть кинул ему какую-то вещь.

Мор машинально поймал ее, и дверь со скрипом отворилась.

Дверного проема как не бывало. Вместо пушистого ковра под ногами расстелилась грязная мостовая. Яркий дневной свет лился на него как ртуть.

– Мор, – поправил Мор, обращаясь уже ко всей вселенной.

– Что-что? – переспросил оказавшийся рядом лоточник. Мор огляделся по сторонам. Его окружала переполненная людьми и всякой живностью рыночная площадь. Чем здесь только не торговали: от иголок до (при посредничестве бродячих пророков) видений спасения. Общаться было возможно, только перейдя на крик.

Мор похлопал лавочника по спине.

– Вы меня видите? – требовательно спросил он.

Торговец, критически прищурившись, оглядел Мора.

– Вроде как вижу, – ответил он. – По крайней мере, кого-то очень на тебя похожего.

– Спасибо, – с невероятным облегчением сказал Мор.

– Не за что. Я изо дня в день тут много кого вижу. За погляд денег не берут. Тебе шнурки не нужны?

– Вроде нет, – ответил Мор. – Где мы находимся?

– А ты будто не знаешь?

Парочка стоявших у соседнего прилавка людей глубокомысленно разглядывала Мора. Его мозг заработал на максимальных оборотах.

– Мой наставник часто бывает в разъездах, – искренне сказал Мор. – Мы прибыли вчера вечером, но в повозке я задремал. Зато сейчас у меня свободное время.

– А-а, – протянул лавочник и заговорщически склонился вперед. – Ищешь, где бы поразвлечься, да? Могу все устроить.

– Для начала хотелось бы понять, где именно я нахожусь, – сказал Мор.

Торговец не поверил своим ушам.

– В Анк-Морпорке, где ж еще, – объявил он. – Это же с первого взгляда ясно. И с первого вдоха тоже.

Мор повел носом. Воздух в городе был особенный. Возникало ощущение, будто этот воздух видывал виды. А еще с каждым вдохом все яснее становилось, что вокруг – тысячи других людей, и почти у каждого имеются подмышки.

Лавочник скептически осмотрел Мора, и от его внимания не укрылись ни бледное лицо, ни хорошо скроенная одежда, ни удивительная, какая-то напружиненная манера держаться.

– Слушай, давай без обиняков, – сказал он. – Могу объяснить, как дойти до отличного борделя.

– Я уже пообедал, – наобум брякнул Мор. – Лучше скажите, далеко ли до места под названием... кажется... Сто Лат?

– Миль двадцать в сторону Пула, но для такого парня там развлечений не найдется, – зачастил торговец. – Мне ли не знать – ты предоставлен сам себе, ищешь новых впечатлений, мечтаешь об эмоциях, о романтике...

Мор тем временем развязал кисет, полученный от Смерти. Он был полон золотых монет, мелких, как пайетки.

Перед его мысленным взором снова возникло бледное, обрамленное копной рыжих волос лицо молодой девушки, которая каким-то образом ощутила его присутствие. Невнятные ощущения, преследовавшие его последние дни, внезапно обострились до предела.

– Мне нужен, – твердо сказал он, – самый быстрый конь.

* * *

Через пять минут Мор заблудился.

Этот район Анк-Морпорка назывался Тенями; накопившиеся здесь проблемы можно было решить лишь двумя способами: либо с помощью правительственных дотаций, либо – что предпочтительней – с помощью огнемёта. Его нельзя было назвать убогим, потому что это стало бы огромной натяжкой. Тени вышли так далеко за пределы убожества, что, совершив нечто вроде эйнштейновского обращения, обрели величественную чудовищность, которую носили как медаль за архитектурные достижения. Они были шумными и душными и пахли как пол в коровнике.

Это был не столько городской район, сколько отдельная экосистема, напоминающая вышедший на сушу коралловый риф. Его населяли люди – точнее, гуманоидные аналоги омаров, кальмаров, креветок и прочих морских тварей. И акулы.

Понурился Мор блуждал по извилистым улочкам. С высоты птичьего полета каждый мог бы заметить, что в сутолочном движении за его спиной назревает тенденция к сближению группы мужчин с преследуемой целью и что вероятность выживания у Мора с его золотишком примерно такая же, как у трехлапного ежа посреди шестиполосной автострады.

Должно быть, уже очевидно, что никаких жителей в Тенях и быть не могло. Там водились обитатели. В поисках хорошего торговца лошадьми Мор время от времени пытался завязать с кем-нибудь из них разговор. Обитатели, как правило, бормотали в ответ что-то неразборчивое и поспешно убегали восвояси, поскольку любой, кто хотел прожить в Тенях дольше трех часов, быстро обзаводился чрезвычайно развитым чутьем и не стал бы околачиваться рядом с Мором, точно так же как крестьянин не встал бы в грозу рядом с высоким деревом.

Наконец Мор добрался до реки Анк, величайшей из рек. Ее течение замедлялось и тяжелеело от ила, вынесенного с равнин, задолго до встречи с этим городом, а к тому времени, когда она добиралась до Теней, по ее глади мог бы прогуляться даже агностик. Утонуть в Анке трудно, а вот задохнуться – проще простого.

Мор с сомнением посмотрел на реку. Вроде как она двигалась. И в ней виднелись пузырьки. Вероятно, это все-таки была вода.

Со вздохом он отвернулся от Анка.

И увидел троих мужчин, будто исторгнутых стеной. В любом рассказе появление таких мрачных тупорылых головорезов сулит герою столкновение с некой угрозой, хотя и не слишком серьезной, потому как по законам жанра бандиты должны быть застигнуты врасплох самым неприятным для себя образом.

Они ухмылялись. Получалось это у них хорошо.

Один из бандитов, вытащив из-за пазухи нож, принялся описывать лезвием в воздухе небольшие круги. Он начал медленно подступать к Морю, пока двое других оставались на месте, оказывая аморальную поддержку на расстоянии.

– Кошелек, – просипел бандит.

Мор потянулся к висевшему на поясе кисету.

– Погоди-ка, – сказал он. – А продолжение?

– В смысле?

– В смысле – кошелек или жизнь, – уточнил Мор. – У вашего брата, у грабителей, обычно именно такие требования. Кошелек или жизнь. Я в книжке читал, – добавил он.

– Пожалуй, пожалуй, – допустил грабитель. Ему показалось, что инициатива ускользает из его рук, однако он вышел из положения с блеском: – С другой стороны, я могу затребовать и кошелек, и жизнь. Двух зайцев разом, так сказать. – И он искоса взглянул на своих поделников, которые мерзко захихикали в ответ.

– Раз так... – С этими словами Мор покачал в руке свой кисет, готовясь зашвырнуть его подальше в Анк, пусть даже и существовала вероятность, что он просто отскочит от речной поверхности.

– Эй, ты чего творишь? – завопил грабитель. Он метнулся было вперед, но тут же прирос к месту, видя, что Мор угрожающе замахивается.

– Видишь ли, – рассуждал Мор, – для себя я так понимаю. Раз уж вы все равно меня убьете, кошелек мне особо ни к чему. Так что решать вам. – В доказательство своих намерений он достал из кисета одну монетку и запустил ее в реку, принявшую сей дар с неприятным чавкающим звуком. Грабители вздрогнули.

Главарь шайки посмотрел на кисет. Потом на свой нож. Потом на лицо Мора. И, наконец, на своих дружков.

– Прошу прощения, – сказал он, и троица сбилась в кучу.

Мор прикинул расстояние до конца переулка. Не вариант. Во всяком случае, вид этой троицы говорил, что догонять добычу у них тоже получается хорошо. Зато в логике они были не сильны.

Главарь повернулся в сторону Мора. Еще раз бросил взгляд на своих подельников. Оба решительно кивнули.

– В общем, так: тебя мы убьем, а с золотом – уж как получится, – заявил он. – А то ведь ты и других научишь.

Его подельники вытащили ножи.

Мор сглотнул.

– Это будет не слишком благоразумно, – выдавил он.

– С чего это?

– Ну, во-первых, мне это не принесет никакой радости.

– А ты и не должен радоваться, ты должен... умереть. – Грабитель подступал все ближе.

– Не думаю, что мне уже пора умирать, – сказал Мор, делая шаг назад. – Уверен, что меня бы предупредили.

– Ага, – сказал главарь, которому это уже порядком надоело. – Так ведь тебя и предупредили, разве нет? Ох же ж ты навоз слоновий!

Мор только что сделал еще один шаг назад. В стену.

Главарь злобно посмотрел на поглотившие Мора твердые камни и в сердцах отшвырнул нож.

– Ну, *** мою лысину, – проговорил он. – ***ый волшебник. Ненавижу ***ых волшебников!

– Тогда не надо их ***, – пробормотал один из его приспешников, без труда озвучивая три звездочки.

А третий, до которого все доходило с небольшой задержкой, заметил:

– Эй, да он же сквозь стену прошел!

– И зачем мы за ним тащились битый час? – бубнил второй. – Ну и молодец же ты, Плешивый! Говорил ведь я тебе: волшебник он, только волшебник здесь в одиночку шататься станет. Разве я не говорил, что он на волшебника похож? Я так и сказал...

– Да у тебя, известное дело, язык без костей, – прорычал главарь.

– *Я своими глазами видел, как он сквозь вон ту стену прошел...*

– Ах так?

– Да, так!

– *Прям сквозь стену, видали?*

– А у тебя, значит, умишко острый?

– Да вот не жалуюсь!

Одним змеиным движением главарь выхватил из грязи свой нож.

– Такой же острый?

Третий грабитель бросился к стене и отвесил ей несколько пинков; за спиной у него послышалась возня и какие-то влажные булькающие звуки.

– Стена как стена, – заключил он. – Самая обыкновенная, зуб даю. Эй, ребята, как это у него получилось? Ребята?

Он споткнулся о распластанные тела.

– Ох.

Хотя мозги у него ворочались медленно, одну важную вещь он осознал моментально. Он стоял в глухом переулке, в Тенях, и стоял там один. Грабитель припустил во весь дух, и даже успел пробежать вполне приличное расстояние.

* * *

Смерть медленно шел по плитам зала жизнеизмерителей, осматривая плотные ряды занятых своим делом часов. За ним следовал верный Альберт с раскрытым фолиантом в руках.

На них могучим серым водопадом обрушивался шум.

Он рождался на полках, где, уходя ряд за рядом в бесконечную даль, отмеряли время жизни смертных песочные часы. Это был тяжелый шум, глухой шум, шум, лившийся унылым заварным кремом на яркий пудинг души.

– ХОРОШО, – наконец сказал Смерть. – ПОЛУЧАЕТСЯ, ТРОЕ. СПОКОЙНАЯ НОЧЬ.

– Это, значит, тетушка Хэмстринг, снова настоятель Лобсанг и принцесса Кели, – доложил Альберт.

Смерть осмотрел стоявшие на ладони трое часов.

– ПОДУМЫВАЮ ОТПРАВИТЬ НА ДЕЛО ПАРНИШКУ.

Альберт сверился с фолиантом.

– Ну, с тетушкой проблем не возникнет, а настоятель – человек опытный, – сказал он. – А вот принцессу жалко. Всего пятнадцать лет. С ней может быть непросто.

– ДА. ПЕЧАЛЬНО.

– Хозяин?

Смерть стоял с третьими часами в руках, задумчиво наблюдая за игрой света на стекле. Он вздохнул:

– СОВСЕМ ЮНАЯ...

– Вы хорошо себя чувствуете, хозяин? – с тревогой в голосе спросил Альберт.

– УНОСИТ ВРЕМЕНИ ПОТОК ВСЕХ...

– Хозяин!

– ЧТО? – Смерть вздрогнул и вернулся в реальность.

– Вы переутомились, хозяин, вот в чем дело...

– ЧТО ТЫ НЕСЕШЬ, ДРУГ МОЙ?

– Вы какой-то сам не свой, хозяин.

– ГЛУПОСТИ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ КАК НИКОГДА ХОРОШО. ТАК О ЧЕМ МЫ ГОВОРИЛИ?

Альберт пожал плечами и вернулся к записям.

– Тетушка Хэмстринг – ведьма, – продолжил он. – Она может рассердиться, если отправить к ней Мора.

Все, кто так или иначе связан с магией, по истечении своего песка имеют право быть обслуженными лично Смертью, а не довольствоваться его мелкими подручными.

Смерть будто не расслышал. Он все смотрел на песочные часы принцессы Кели.

– КАК НАЗЫВАЕТСЯ ТО ОЩУЩЕНИЕ, КОГДА ТЕБЯ ОХВАТЫВАЕТ СМУТНОЕ СОЖАЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ВСЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ ТАК, КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ?

– Печаль, хозяин. Наверное. Так вот...

– Я ЕСТЬ ПЕЧАЛЬ.

У Альберта отвисла челюсть. Но, взяв наконец себя в руки, он выпалил:

– Хозяин, мы говорили о Море!

– О КАКОМ ЕЩЕ МОРЕ?

– О вашем ученике, хозяин, – терпеливо объяснил Альберт. – Такой долговязый парень.

– НУ ДА. ЧТО Ж, ЕГО И ПОШЛЕМ.

– А он справится в одиночку, хозяин? – усомнился Альберт.

Смерть задумался.

– СПРАВИТСЯ, – сказал он наконец. – ОН ПРИЛЕЖЕН, СХВАТЫВАЕТ НА ЛЕТУ, ДА И ВООБЩЕ, – добавил он, – НЕ МОГУТ ЖЕ СМЕРТНЫЕ РАССЧИТЫВАТЬ, ЧТО Я ВЕЧНО БУДУ ВОКРУГ НИХ СУЕТИТЬСЯ?

* * *

Мор пялился на бархатную драпировку в нескольких дюймах от его носа.

«Я прошел сквозь стену, – подумал он. – А это невозможно».

Осторожно отодвинув драпировку, чтобы посмотреть, не укрылась ли за ней какая-нибудь дверь, он не обнаружил ничего, кроме растрескавшейся штукатурки, которая местами до того осыпалась, что обнажила сыроватую, но явно прочную кирпичную кладку.

Мор в порядке эксперимента потыкал в нее пальцем. Было ясно, что обратно придется выбираться другим путем.

– Ну, – обратился он к стене. – И что теперь?

Позади него раздался голос:

– Э-э... Прошу прощения?

Мор медленно обернулся.

За столом в центре комнаты собралась семья клатчцев в составе отца, матери и полудюжины детей мал мала меньше. Восемь пар округлившихся глаз уставились на Мора. Девятая же пара, принадлежащая престарелому родственнику неуставленного пола, этого не сделала, потому как ее владелец решил воспользоваться замешательством ради свободного доступа к общей площадке с рисом, справедливо полагая, что порция отварной рыбы будет поважнее любого количества необъяснимых явлений, и тишина нарушалась энергичным чавканьем.

В углу людной комнатенки находилось маленькое святилище Оффлера, шестирукого клатчского Бога-Крокодила. Он скалился совсем как Смерть, хотя у Смерти, конечно, не было персональной стаи священных птиц, приносящих вести о жизни паствы и поддерживающих в чистоте его зубы.

Из всех добродетелей на первом месте у клатчцев стоит гостеприимство. Поэтому хозяйка, пока Мор оглядывался по сторонам, достала с полки еще одну тарелку и без лишних слов стала наполнять ее из общей площадки, вырвав в ходе короткой борьбы добрый кусок сома из старческих рук. При этом она не спускала с Мора подведенных сурьмой глаз.

Голос, обратившийся к нему, принадлежал отцу семейства. Мор нервно поклонился.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я, кажется, прошел сквозь вашу стену. – Он вынужден был признать, что прозвучало это довольно жалко.

– Пожалуйста?.. – сказал хозяин. Его жена, позвякивая браслетами, аккуратными движениями разместила на тарелке несколько кусочков перца и сдобрила блюдо темно-зеленым соусом – Мор опасался, что уже с ним знаком. Он попробовал этот соус несколько недель назад, и хоть рецепт его был очень сложен, хватило одной капли, чтобы понять, что сделан он из рыбьих потрохов, несколько лет мариновавшихся в бочке с акульей желчью. Смерть сказал, что к нему нужно приобрести вкус. Мор решил не пытаться.

Пока он бочком пробирался вдоль стены в сторону дверного проема с занавеской из бусин, все едоки провожали его взглядами. Мор попытался широко улыбнуться.

– Почему демон скалит свои зубы, о муж моей жизни? – спросила хозяйка.

– Должно быть, он изрядно голоден, о луна моей страсти. Положи ему побольше рыбы!

Тогда предок проворчал:

– Это мои харчи, несносный плод чресл моих. Чума на тот мир, где не в почете седины!

Стоит упомянуть, что, хотя все эти фразы входили в уши Мора произнесенными на клатчском, со всеми витиеватостями и изысканными дифтонгами языка столь древнего и сложного, что еще до того, как остальные народы мира начали колошматить друг друга по голове булыжниками, в нем уже насчитывалось пятнадцать слов, означающих «наемное убийство», мозг Мора воспринимал их так же ясно, как если бы они были сказаны на его родном языке.

– Никакой я не демон! Я человек! – выкрикнул он – и осекся, потому что заговорил на безупречном клатчском.

– Ты грабитель? – спросил отец семейства. – Убийца? Коли просочился в наш дом таким манером, уж не *сборщик ли ты налогов*? – Скользнув под стол, его рука вынырнула оттуда с мясницким тесаком, заточенным до тонкости бумажного листа. Хозяйка вскрикнула и обронила тарелку, а затем сгребла в охапку своих младшеньких.

Наблюдая за тем, как лезвие рассекает воздух, Мор решил не оказывать сопротивления.

– Я явился к вам с приветом из самых дальних кругов ада! – наудачу ляпнул он.

Произошла разительная перемена. Тесак опустился, а все семейство благодушно заулыбалось.

– Визиты демонов приносят большую удачу, – улыбнулся отец. – Чего изволишь, о мерзейший плод чресл Оффлера?

– Прошу прощения? – переспросил Мор.

– Демон дарует благословение и удачу тому, кто его привечает, – объяснил хозяин. – Чем мы можем быть полезны, о нечистый песий дух преисподней?

– Ну, есть мне не хочется, – сказал Мор, – но если вы подскажете, где раздобыть резвого скакуна, то я попаду в Сто Лат до захода солнца.

Просияв, хозяин дома согнулся в поклоне.

– Есть одно местечко, о смердящее извержение кишечника; изволь следовать за мной.

Мор поспешил за своим благодетелем. Предок критически посмотрел им вслед, не переставая ритмично работать челюстями.

– И вот это здесь называется демоном? – проворчал он. – Да поразит Оффлер гнилью эти мокрые земли – даже демоны здесь третьесортные, не то что у нас на родине.

Хозяйка дома водрузила маленькую плошку риса на сложенные ладони средней пары рук статуи Оффлера (к утру рис будет съеден) и отошла в сторону.

– Супруг говорил, будто месяц назад в «Садах Карри» обслуживал некое создание, которого там на самом деле не было, – сказала она. – Он был очень впечатлен.

Через десять минут отец семейства вернулся и в торжественной тишине высыпал на стол небольшую горку золотых монет. Достаточно, чтобы выкупить значительную часть города.

– У него таких целый кисет, – сказал он.

Какое-то время все семейство не сводило глаз с денег. А потом жена вздохнула.

– Богатство до добра не доводит, – проговорила она. – Что будем с ним делать?

– Вернемся в Клатч, – решительно объявил муж, – чтобы наши дети смогли вырасти в нормальной стране, верной славным традициям нашего древнего народа, где мужчины не гнут спины, работая официантами у злобных господ, а высоко несут голову. Выезжаем прямо сейчас, о благовонный цветок финиковой пальмы.

– Отчего такая спешка, о трудолюбивый сын пустыни?

– Оттого, – объяснил отец семейства, – что я только что продал лучшего скакуна патриция.

* * *

Резвостью и статью этот жеребец уступал Бинки, однако, исправно отсчитывая мили копытами, с легкостью оторвался от конных стражников, почему-то жаждавших пообщаться с Мором. Вскоре трущобы предместий Морпорка скрылись из виду, и дорога вышла на богатые черноземом плодородные угодья равнины Сто, образованные за неисчислимые века регулярными разливами великого вялотекущего Анка, которые обеспечили местному населению процветание, надежный доход и хронический артрит.

Пейзаж навевал жуткую тоску. Пока серебро света обращалось золотом, Мор галопом неся по плоской, стылой местности, от края до края расчерченной на квадраты капустных полей. О капусте можно сказать многое. Можно долго вещать о том, что она богата витаминами, снабжает организм ценной клетчаткой, отличается высоким содержанием жизненно необходимого железа и значительной пищевой ценностью. Однако чего-то в ней все-таки не хватает, и при всем несомненном диетическом и моральном превосходстве капусты над, скажем, нарциссами вид ее еще ни разу не вдохновил музу поэта. Голодный поэт, разумеется, не в счет. До Сто Лата было всего-то двадцать миль, но в силу полной своей бессмысленности для человеческого опыта они растягивались до двух тысяч.

На воротах Сто Лата стояли караульные, хоть по сравнению со стражей, которая патрулировала берега Анка, они и производили впечатление робких дилетантов. Мор проехал мимо, и один из них, чувствуя себя немного глупо, потребовал назваться.

– Боюсь, мне некогда останавливаться, – ответил Мор.

Караульный был из новичков и горел энтузиазмом. Но охранную службу он представлял себе как-то не так. Он не затем записывался в стражу, чтобы стоять день-деньской на воротах, да еще в кольчуге и с тяжелым топором на длинной палке; воображение рисовало ему азарт, и риск, и арбалеты, и доспехи, которые не ржавеют под дождем.

Он шагнул вперед, проявляя готовность защищать город от чужаков, не уважающих приказы полномочных представителей власти. Мор оценил заостренный наконечник алебарды, зависший в паре дюймов от его лица. В последнее время подобное случалось с ним слишком часто.

– Но, с другой стороны, – спокойно сказал он, – как ты смотришь на то, чтобы принять от меня в дар этого породистого жеребца?

Найти ворота замка не составило труда. Однако стража была и там, с арбалетами и куда менее благодушным отношением к жизни, а кони у Мора закончились. У входа он околачивался до тех пор, пока не привлек внимание стражников, после чего с обреченным видом отправился слоняться по городским улицам, чувствуя себя полным идиотом.

После всех испытаний, после многочасовой пытки созерцанием капустных полей, после того, как ягодицы его затекли настолько, что напоминали теперь кусок дерева, Мор не понимал, зачем вообще сюда притащился. Ну да, она заметила его, хотя он был невидим. И что? Да ровным счетом ничего. Но лицо ее, с проблеском надежды в глазах, не давало ему покоя. Ему хотелось пообещать ей, что все образуется. Хотелось рассказать о себе и о своем будущем ремесле. Хотелось узнать, в каком крыле замка расположена ее спальня, и смотреть на окно всю ночь, пока не погаснет огонь. Всего не перечислишь.

Через некоторое время кузнец, чья мастерская располагалась на одной из выходивших к стене замка узеньких улочек, оторвался от работы, заметив долговязого раскрасневшегося парня, который силился пройти сквозь каменную кладку.

Немного позже молодой человек с парой небольших ссадин на голове заглянул в одну городскую таверну и спросил, где найти ближайшего волшебника.

А еще некоторое время спустя Мор уже стоял перед домом с облезлой штукатуркой, на фасаде которого красовалась потускневшая медная табличка, провозглашавшая сие место обиталищем Огнеуса Кувыркса, доктора магии (Незримый Университет), Маргистра Бесконечности, Иллюминартуса, Чародея дофинов, Блюмстителя священных порталов, Если нет дома, передайте почту через мадам Зануджент (вход рядом).

Под впечатлением от прочитанного Мор с сильным сердечным трепетом приподнял тяжелое дверное кольцо, висящее в зубах у омерзительной горгульи, и дважды постучал.

За дверью послышался небольшой переполох, сопровождавшийся чередой торопливых бытовых аккордов, которые в менее экстравагантном жилище могли бы знаменовать, скажем, сгребание тарелок в раковину и запирывание грязного белья с глаз подальше.

Наконец дверь медленно и таинственно отворилась.

– Луффе притворишь, фто впечатлен, – приятельски посоветовала горгулья, которой несколько мешало зажатое в зубах кольцо. – Он для этого дела ифпольфует фифтему фефтеренок и тонкий канат. Не филен в отпираюфих заклинаниях, сефефь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.